

Фонд «Либеральная Миссия»

Я ВЫРОС В СВОБОДНОЙ РОССИИ

Сборник эссе

Москва 2012

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
Я11

Я11 Я вырос в свободной России : Сборник эссе / сост. Ю.В. Свешникова. — Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2012. — 100 с.

ISBN 978-5-903135-27-1

Конкурс эссе «Я вырос в свободной России» проводился Фондом «Либеральная Миссия» и командой проекта «Я думаю!» в период с июня по октябрь 2011 года. Организаторы конкурса обратились к нынешним двадцатилетним, тем, кто родился в 1990–1992 годах, с предложением рассказать о том, что они думают о советском прошлом, переломном 1991 году и постсоветском настоящем. В сборник вошли тридцать лучших работ участников конкурса.

УДК 323/324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-903135-27-1

© Фонд «Либеральная Миссия», текст, 2012
© Ю. Бареева, обложка, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

I место. Линара Бурханова, <i>Казань</i>	7
II место. Виктор Лебедев, <i>Краснодар</i>	12
III место. Медея Капанадзе, <i>Москва</i>	16

КАКИМ МНЕ ВИДИТСЯ 1991 ГОД

Бахтияр Аппасов, <i>Волжский</i>	20
Анастасия Мельник, <i>Новосибирск</i>	22

1991 ГОД В РАССКАЗАХ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

Анастасия Степаненко, <i>Челябинск</i>	24
--	----

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 20-ЛЕТНЕЙ ВЫДЕРЖКИ — ЧТО ОСТАЛОСЬ?

Екатерина Аликина, <i>Санкт-Петербург</i>	28
Мария Гридина, <i>Барнаул</i>	30
Дмитрий Ефимов, <i>Чебоксары</i>	32
Андрей Жердев, <i>Воронеж</i>	35
Мария Княжер, <i>Домодедово</i>	36
Матвей Некрасов, <i>Ярославль</i>	39
Антон Островских, <i>Краснодар</i>	41
Дамир Салихов, <i>Москва</i>	43
Иван Шавровский, <i>Екатеринбург</i>	48

Я ВЫРОС В СВОБОДНОЙ РОССИИ?

Денис Анциферов, <i>Омск</i>	52
Екатерина Волосомоева, <i>Ростов-на-Дону</i>	54
Эмилия Деменцова, <i>Москва</i>	56

Янина Заева, <i>Красноярск</i>	58
Александр Зверев, <i>Санкт-Петербург</i>	61
Ильсур Зиганшин, <i>Казань</i>	63
Давид Канкия, <i>Краснодар</i>	65
Екатерина Кожевина, <i>Омск – Москва</i>	68
Михаил Ляпунов, <i>Набережные Челны</i>	70
Сергей Нестеренко, <i>Пятигорск</i>	73
Николай Парфенёнок, <i>Санкт-Петербург</i>	74
Алексей Таразевич, <i>Москва</i>	79
Ксения Фадеева, <i>Томск</i>	84
Сергей Федюнин, <i>Наро-Фоминск</i>	89
Кристина Чучина, <i>Брянск</i>	93

Авторы лучших эссе с президентом фонда «Либеральная Миссия» Евгением Ясиным на семинаре «Я думаю!» 26–27 ноября 2011 г., Новогорск

Конкурс эссе «Я вырос в свободной России» проводился Фондом «Либеральная Миссия» и командой проекта «Я думаю!» в период с июня по октябрь 2011 года. Организаторы конкурса обратились к нынешним двадцатилетним, тем, кто родился в 1990–1992 годах, с предложением рассказать о том, что они думают о советском прошлом, переломном моменте 1991 года и постсоветском настоящем. Жюри конкурса:

Ирина Ясина, Денис Драгунский,

Дмитрий Зимин, Дмитрий Орешкин, Георгий Сатаров.

В сборник вошли тридцать лучших работ участников конкурса.

«Я ДУМАЮ!» — просветительский проект Фонда «Либеральная Миссия», существующий с 2007 года. Это призыв к молодежи активно задуматься о прошлом, настоящем и будущем. Только думающий человек, свободный от существующих мифов и установок, владеющий объективной информацией, способный учитывать разные точки зрения, открытый к диалогу и новым знаниям, может стать современным и успешным в динамично меняющемся мире.

Проект собирает участников со всей России в Подмосковье и предоставляет возможность услышать ведущих специалистов в области экономики, политологии, журналистики, социологии, демографии, культуры и других важных сферах.

Информация о семинаре в Интернете: <http://liberal.ru/>
(Раздел «Молодежный проект “Я думаю”»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

За время существования новой России выросли наши дети. Собственно, моя дочка родилась в 1989 году и, конечно, не помнит ни смятения 1991-го, ни того, как вдруг все стало по-другому, ни медленного восстановления жизни в течение 90-х. Октябрь 1993-го, впрочем, помнит — «Спокойной ночи, малыши» отменили. А еще помнит, что на кухне я, то есть мама, в огромной кастрюле варила креветки и большая компания родительских друзей поглощала их с пивом и кетчупом.

Любой родившийся на переломе эпох ребенок помнит то, что в памяти у любого человека, появившегося на свет и в более спокойные времена. А знает он то, что рассказывают старшие. На семинарах для студентов из российских регионов «Я думаю!», которые уже пять лет проводит Фонд «Либеральная Миссия», мне стало очевидно, что наши дети знают о времени своего детства очень мало. За редкими исключениями. Мы, их родители, им не рассказываем. То ли потому, что в принципе не говорим с ними на отвлеченные темы, то ли прячем от самих себя оценки тяжелого времени перемен и поисков. В школе с ними тоже не говорят. По телевидению они могут увидеть схематичные «лихие 90-е» или «крутые 2000-е» — фильмы, программы, в которых нет даже полуправды.

Глядя на фотографии Москвы августа 1991 года, моя дочь спрашивала меня: «Неужели это наш город?» Хорошо, что в последние месяцы ей довелось увидеть на улицах тысячи активных и воодушевленных сограждан. Как и предсказывал Егор Тимурович Гайдар, средний класс предъявил спрос на свободу.

Объявляя среди ребят, родившихся на переломе эпох, конкурс эссе «Я вырос в свободной России» мы не ставили в конце знак препинания. Осенью 2011 года ничего, кроме горького вопросительного знака, там стоять не могло. Я надеюсь, что через несколько лет наши дети поставят в конце этого предложения знак восклицательный.

Почитайте эти тексты! Если у вас уже есть дети — поговорите с ними о недавней истории. Сейчас, если пора, или когда вырастут. А если вы сами в те славные годы были детьми — поговорите с родителями.

Ирина Ясина,
руководитель проекта «Я думаю!» и
конкурса «Я вырос в свободной России»,
вице-президент Фонда «Либеральная
Миссия»

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Гместо

ЛИНАРА БУРХАНОВА

Казань

1991 год в рассказах моих родителей

Часы коммунизма — свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.

А. Солженицын (1990)

Скажите, а разве вы никогда не достаете свои самые сокровенные воспоминания? Ведь достаете! Все мы так делаем. Все мы родом из детства.

Они, мои воспоминания, лежат в той маленькой, но очень большой коробочке, в которой все мы храним все самое важное, — в сердце. Я достаю оттуда запахи, ощущения, эмоции — я приглашаю на разговор маленькую девочку, чье детство прошло в большом, красивом и хлебном Ташкенте.

Много-много картинок, словно в калейдоскопе, сменяют друг друга: вот мои соседи-узбеки, которые учат есть плов руками; вот я босая бегу к арыку, чтобы спастись от жары; вот мы с подружками жуем еще неспелую, сводящую скулы айву; а вот горы — из моего окна были видны горы! — все это из детства, из тех 90-х, которые называют лихими, перестроечными, смутными. Из тех светлых 90-х — потому что это годы моего детства.

Распад, перестройка, приватизация, очереди в магазины — сумасшедшие процессы, которые сотрясали огромную страну и о которых я знаю лишь из уроков истории, из фильмов, а еще — из воспоминаний моих родителей. Это им, их поколению и поколению чуть старше, достались сложные, непонятные, тревожные времена. Времена, которые меняли страну, меняли людей; времена, которые, несмотря на все это, врезались в память, оставив светлую грусть и выветрившуюся горечь потери чего-то неуловимо важного.

Сегодня я могу спросить об этом только маму. Так уж получилось. Сложными они были — эти лихие 90-е, сложными. Ломались самые близкие, самые надежные...

— Мам, а помнишь девяностые?

Мама колдует на кухне, не оборачиваясь, отвечает:

— Ну, доча, это не то время, которое можно забыть.

— Расскажи!..

Она резко поворачивается и смотрит прямо в глаза. В них вопрос, тревога, удивление:

— Линара, у тебя все в порядке? Если что-то случилось, я прошу тебя — не скрывай, давай поговорим. Мы обязательно все решим, вот увидишь, только не скрывай, я прошу!

Я смеюсь, подхожу к ней и обнимаю:

— Мам, все в порядке — правда! Всё-всё. Я эссе пишу, мам. В Москву.

Она как-то сразу успокаивается, возвращаясь к привычным кухонным делам.

Вот так начинается наш разговор о 1991-м и девяностых вообще — исторических декорациях теперь уже прошлого века.

— Тяжелые годы, дефицит. До сих пор не могу забыть, как мечтала купить тебе ваньку-встаньку, когда ты только начинала ползать, и ведь были деньги, а нигде не было этой чертовой неваляшки! Вы, наверное, первое безневаляшечное поколение в истории. Книжек детских нет, игрушек нет, даже магнитную азбуку мы брали напрокат у знакомых, потому что не было их в продаже. Вот тебе и переход к рынку! — смеется.

— Мам, а Расскажи мне, каким был девяносто первый?

— Жизнь, ведь знаешь, как коробка шоколадных конфет. Никогда не угадаешь, что за начинка окажется внутри. Однажды утром мы проснулись в своем доме и узнали, что живем уже за границей — теперь мы настоящие чужеземцы. Нет, жизнь не пошла сразу наперекосяк, но это было уже что-то разительное новое. Друзья нашей семьи, например, впервые открыли свой магазин, они постепенно осваивали предпринимательство. Мы с папой вдруг стали владельцами части акций крупных предприятий в республике, и это было странное ощущение — вроде и радостно, но непонятно, куда же их приспособить. Ты бы видела, как мы, новоявленные акционеры, стояли с пяти утра с талонами в руках у магазина! — мама смеется, — а там только черные-черные макароны.

— А неплохо вы жили, мам. Черные макароны теперь только в элитных ресторанах подают! — и мы обе хохочем.

— В девяносто первом мы с папой купили наш первый холодильник и стиральную машину. Их невозможно было достать, а у нас получилось! Ты бы видела, какие мы были счастливые... — ее голос подозрительно знакомо задрожал.

— Ну, не плачь, пожалуйста.

— Да нет, не плачу, — она запрокидывает голову, вековым проверенным способом загоняя слезы обратно. — Тебе сейчас трудно в это поверить, ты сегодня уже дитя цивилизации, в магазинах полки ломаются от продуктов, куча книг, куча детских игрушек — такое разнообразие, что аж глаза разбегаются. А тогда мы радовались и стиральной машине, и духам, и туши французской, это

было реально так. Да и радовались как-то по-другому, искреннее, стопроцентнее, что ли... А еще вся страна жила у экранов телевизоров.

— Ну не комедии, вы, наверное, смотрели? — пытаюсь шутить я.

— Мы же дети, рожденные в СССР, — политизированные, отслеживающие новости. А в телевизоре показывали самое интересное! Мы обсуждали все события дома, на работе, на улицах, в очередях — спорили до хрипоты, хорошо ли, что распался СССР, какое будущее ждет нас и наших детей. И когда в этих спорах говорили о глобальном, забывался и пустой холодильник дома, и усталость от постоянного дефицита. Мы понимали, что теперь нам придется строить новый мир. И большой, в котором будет жить вся страна, и маленький, который есть у каждой семьи. Мечтали, хотели и боялись этого.

Тогда, в девяносто первом, в Узбекистане российские телеканалы стали показывать только новости, и мы ловили те крохи информации, что появлялись, пытаюсь угадать, что происходит в России. Удивительно, правда? Один железный занавес сменил другой, только вот новый отделял друг от друга не просто жителей одной страны. Он отделял родственников, друзей, близких.

— Так что там все-таки с телевизором? Что тебе больше всего запомнилось?

— Раиса Максимовна, конечно! Да вся страна ее обсуждала.

— Это Горбачева?

— Да. Но мы все ее по имени-отчеству называли. Она была везде: в новостях, в газетах, в журналах, потому что сопровождала Горбачева на всех приемах и в поездках. Тогда всем женщинам казалось, что это слишком. Слишком часто мелькает на публике, слишком заметна, слишком много нарядов. До Горбачевой таких заметных первых леди страна не знала. А сколько слухов ее окружало! Говорили о том, как КГБ было поручено подбирать штат прислуги для Раисы Максимовны из молчаливых работающих женщин, не моложе и не привлекательнее хозяйки. Вот так мы одновременно и восхищались ею (она была общественным деятелем, как ты сейчас в своих молодежных, правда, организациях, а еще она занималась благотворительностью), и, что уж там греха таить, завидовали. Жизни ее насыщенной завидовали, смелости женской и чисто человеческой, да и уму, пожалуй, тоже. А ты знаешь, Линара, есть такое выражение: «За каждым великим мужчиной стоит великая женщина». Вот Раиса Максимовна была такой женщиной. Я не хочу сейчас уходить в политические дебри, оценивать Горбачева и его курс. Просто чисто по-женски она была сильной. Чуть опередила время, наверное. А как мне хотелось достать тонкую розовую шерсть, чтобы сшить платье, как у нее!

— Я тебе на Новый год подарю — и сошьешь. Прямо ярко-ярко-розовую!

— Не-а, не найдешь такого цвета, дочь. Он был такой легкий, нежный, — мамини глаза застилает мечтательная поволока, — вроде теперь все есть, а такого, как тогда я хотела, нет.

Конечно, мама, конечно, нет. Потому что тот розовый — цвет твоей молодости, твоей мечты и надежды, цвет вашей с папой молодоженовской ташкентской жизни...

— Знаешь, когда стало по-настоящему страшно? Когда советская «дружба народов», о которой столько мы слышали, вдруг превратилась в настоящую вражду. «Русский, езжай своя Россия!», «Убирайтесь, пока всех не перережем!», «Пошли вон с нашей земли, проклятые!» — нас стали оскорблять на улицах, в трамваях, в самых людных местах, приставали к женщинам. Стало страшно ходить по улицам, знакомые переулки как-то разом стали опасными... — мама крошит лук, и в глазах ее блестят слезы. То ли от горечи воспоминаний, то ли от горечи злого лука...

— Поднималась настоящая волна выживания прочь, отъема квартир, земельных участков. Сплошь стали выгаливать с должностей высокооплачиваемых на оплачиваемые низко. Многие стали задумываться о выезде из республики в Россию, но и тут-то не все так просто. Необходимо было выстоять годичную (а то и больше) очередь в посольстве с просьбой о выдаче российского гражданства.

Квартиры отдавали почти что бесплатно, не поверишь — трехкомнатную, с мебелью, отличным ремонтом за двести долларов, а то и задаром. В соседних республиках людям вообще запретили продавать квартиры. Вот чем всегда наш народ славился — так это смекалкой: придумали обменивать большую квартиру на маленькую, чтобы деньги, которые получишь с разницы, взять в новую жизнь в России. Но запретили и менять. Власти препятствовали заказывать контейнеры для домашнего имущества. Потом запрещали вывозить мебель: оказалось, это достояние республики, личного имущества не существует. Была паника. Мы не знали, что нас ждет впереди. Да, мы стояли в очереди на гражданство, да, отдавали квартиры за бесценок, но самое тяжелое было впереди: мы уезжали в страну, которую считали своей родиной. А оказалось, нас не ждали. Здесь нам не были рады. В том девяносто первом, пожалуй, мы были канатоходцами, остановившимися в центре, изо всех сил балансируя на хрупкой проволоке, не смея ступить на спасительную площадку. В Узбекистане мы были «проклятые свиньи», а в России — беженцы, маргиналы. Наверное, девяносто первый можно считать вторым рождением семьи: здесь, в России, нам пришлось начинать жить с нуля, — нож в маминых руках тяжело врезается в хлебную мякоть, словно она режет камень.

— Нет, я не обижаюсь — такое уж время было. Всей стране было трудно. Не нам одним. Больно было не от того, что трудно, что денег не хватает, на работе сокращают. Больно было, что то, во что искренне верили, несли в сердце, гордились, вдруг втоптали в грязь. А ведь наши мамы и папы, деды и прадеды принесли в азиатские степи, пустыни науку, медицину, технику. Вот еще песня такая есть — «Учкудук». Как раз про это.

И она начинает напевать песню почти уже древней группы «Ялла»:

— «Любой в Учкудуке расскажет старик, как город-красавец в пустыне возник, как в синее небо взметнулись дома и как удивилась природа сама!»

Вообще-то, мама у меня классная и может почти все. Только поет она, если честно, отвратительно. И только это спасает меня от того, чтобы не расплакаться.

— Многие русские школы стали закрывать, часы русского сокращать, но, стоит отдать должное, в конце девяностых, несмотря на малое количество русских школ, в Узбекистане уже вводилась балльно-рейтинговая система, латинский язык. Стали потихоньку двигаться вперед. Так что не все так плохо, а то вижу я — ты погрустнела. Не нужно помнить плохое, оно мешает жить, пусть в твоей голове останутся хорошие и теплые воспоминания о детстве, — мама поворачивается ко мне и улыбается. — Ну, что, решила, как напишешь эссе? Не пиши о плохом — напиши о хорошем! Мы были молоды, полны сил, веры, знаний — для моего поколения девяностые, несмотря на трудности, обиды, страх, это время, которое мы бы не променяли ни на что другое. Мы выдержали, выстояли, сдали тот экзамен, понимаешь? И вообще — я горжусь тем, что именно нам они достались, эти лихие девяностые. Вот еще такая песня про нас есть: «Это мы придумали “Виндоус”, это мы объявили дефолт, нам играют живые “Битлз”, нестареющий Эдриан Пол».

— Мам, только не пой, я тебя умоляю, только не пой! — мы обе хохочем.

— Тогда идем ужинать, Линара.

Я тоже восхищаюсь тобой, мама, и поколением твоим, и поколением постарше. Вы и правда сильные. Да, может, что-то построилось не так, как мечталось, кого-то вы потеряли на обочинах жизни, кого-то отдали процветающему Западу, который до того неизменно называли «загнивающим». И, знаешь, я бы хотела, чтобы и про мое поколение придумали такую же песню, какую ты сейчас пела, чтобы это мы придумали Windows и — так уж нам с тобой не повезло — таким же ужасным голосом я напевала бы об этом когда-нибудь своей дочери. Но оно, то время, досталось вам. Каждому свое, мама, каждому человеку и каждому поколению.

А еще вы очень мудрые: сегодня, когда те же беженцы-узбеки, да и вообще беженцы из стран бывшего СССР, приезжают сюда, в Россию, чтобы заработать, выжить, прокормить тех, кто остался в далеких аулах, — вы не вспоминаете старые обиды. И каждый раз, проходя мимо уличных попрошаек в цветных восточных шароварах, кидаете не рубль, а бережно кладете в черные ладошки с таким трудом заработанные бумажные деньги. Вы ведь знаете, как им сейчас трудно. Сами это проходили в том далеком девяносто первом.

Я так горжусь, что все-таки, когда так многое потерялось на сложном политическом пути, та советская идея о дружбе народов до сих пор жива. Жива в тебе, мама. Жива во мне. И мы постараемся, чтобы жила и в наших детях. Мы ведь тоже строим нашу страну. И тоже ее любим.

II место

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ

Краснодар

Наследие Советского Союза 20-летней выдержки — что осталось?

Нынешний период истории России можно с уверенностью именовать постсоветским. Я живу уже 20 лет в стране, на карте которой написано не СССР, а Российская Федерация. Но Советский Союз, как мистическое привидение, смотрит на меня отовсюду.

Конечно, страна поменялась, сменился политический режим, Конституция, флаг и многое другое. Но люди остались прежними. Прежним осталось сознание. Именно поэтому так популярны сегодня сталинизм, различные теории заговора и поиски «врагов России». Даже отойдя от политических практик Советского Союза, наше общество осталось все равно советским. Мы застряли на разломе эпох: советская закончилась, а новая уже 20 лет все никак не начнется. Время извергло нас из себя, и мы, как страна, повисли в историческом вакууме, застывшие в таинственной коме посреди стремительно меняющегося мира. Оторвавшись от советских ценностей, мы не сумели найти себя в свободном мире и невольно вернулись к своему прошлому.

Мы живем на руинах павшего Союза: электростанции, доживающие свой век, тонущие теплоходы и падающие самолеты — вот наше материальное наследие, приходящее ныне в негодность. Но куда страшнее наследие метафизическое. Советская инфраструктура, уже порядком износившаяся и несовременная, все еще приносит нам пользу. Советский дух лишь терзает нас изнутри. Сейчас с экранов телевизоров принято ругать эгоизм западного человека, однако загадочная русская душа сегодня в эгоизме даст фору кому угодно. Именно в нашем обществе человека могут убивать на оживленной улице. Именно в нашей стране благотворительность и помощь больным детям не правило, а всего лишь редкое исключение. Именно здесь, в России, мать способна выкинуть своего ребенка в мусорную корзину как сломанную игрушку. По разным экспертным оценкам, в России сегодня существует около пяти миллионов бездомных детей. Эта страшная цифра в мирное время звучит как приговор всему нашему обществу. Разве в нормальном и здоровом обществе такое возможно?

Все это можно описать одним словом — «отчуждение». Человек перестает воспринимать других людей как подобных себе. Из друзей, коллег, сограждан они становятся для него объектом, которым можно манипулировать, который

вполне допустимо использовать в своих интересах, а если он не приносит пользы — им можно пожертвовать. Это типично тоталитарное отношение к личности, царящее в нашей стране, зародилось в период становления советской системы. В период сталинских репрессий, если быть точнее.

Аресты того времени, гнетущая атмосфера тотального доносительства и подозрительности оказали деструктивное влияние на общество. Пример такого влияния, непосредственно связанный с психологическим эффектом репрессий тех лет, раскрывает в своем творчестве Александр Солженицын. Представим себе картину тех лет: вечер, человек сидит у себя дома и внезапно слышит шаги на лестнице. Когда он понимает, чьи это шаги, сердце его замирает от ужаса и в голове вертится лишь одна мысль: только не ко мне, только не ко мне... Звук шагов удаляется: раздается стук — но стучат не в его дверь. А на следующее утро сосед исчезает — и нет его, как будто бы и не было такого человека. Такая ситуация разрушает личность человека. Ты понимаешь, что вычеркнуть из жизни могут и тебя, и исчезающие соседи по подъезду — это уже не потери, это прежде всего подтверждение того, что пока ты сам еще жив. Если взяли твоего соседа — значит не взяли тебя. Если этот стресс постоянен, он становится частью жизни, и тогда главным для человека становится уже собственное выживание. А когда выживание становится твоей главной целью — уже не до счастья ближнего.

Именно на этом фоне и возникает принцип отношений государства и индивида: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы. Жить, принимая проблемы окружающих близко к сердцу, в обществе, где ты можешь не пережить следующий день, а твое государство рассматривает тебя как безликую единицу на бумаге и потенциальную проблему, — значит умереть. Быть безразличным, заботиться лишь о себе — единственный путь к выживанию в тоталитарном обществе. Закрепление в сознании такой парадигмы отношения к окружающим представляет собой достаточно длительную процедуру, но двух десятков лет сталинского правления для этого оказалось более чем достаточно.

Я уже слышу многочисленные возражения: «Какое отчуждение в СССР? Мы все были единым советским народом, ощущали себя единым обществом — был ведь коллективизм!» Да, отвечу я на эти пассажи. Это все в определенной мере было. Но единство советской системы базировалось на трех больших китах: страхе внешнего врага, идеологической пропаганде и исключении из системы тех, кто отказывался вступать в такое «единство». Как только исчезли внешние барьеры, советская коллективистская модель рухнула в одночасье. Да и, в конце концов, если действительно этот единый советский народ существовал — куда он делся? Политическая культура не меняется за месяцы и годы — на это нужны десятилетия. Но разве не советские люди дружно бросились вырывать друг у друга кусок, едва исчезла тень государственной машины? Или не в СССР существовало дивное развлечение — писа-

ние доносов на невинных соседей ради увеличения жилплощади? Многие тогда делали прикидку: сколько квадратных метров стоит жизнь и семейное счастье вот этого человека? А тотальное воровство буквально всего, что попадает в руки советскому человеку? Вот уж воистину это вершины советской солидарности — неси домой все, что плохо лежит.

Равнодушие и отчуждение людей друг от друга, возникшие в то время, стали постоянной доминантой сознания многих граждан. Безразличие ко всему, что «не трогает лично меня», одна из главных причин сегодняшней исторической несостоятельности России. Россиянину безразлично, что рядом с ним убивают человека, и он проходит мимо. Ему безразличны страдания ребенка, если это не его ребенок. Ему наплевать на то, кто победит на выборах, поскольку он уверен что «меня это не касается». Мы становимся свидетелями чудовищных коррупционных скандалов, убийств немыслимой жестокости, продажности правоохранительных органов, зачастую покрывающих откровенных бандитов. И это совершенно не трогает сердца большинства наших сограждан.

Другая сторона этого явления заключается в том, что мы отчуждены не только друг от друга, но и от самих себя. Отказываясь от межличностного диалога и взаимопомощи, относясь к другому человеку как к вещи, мы начинаем воспринимать в качестве вещи и самих себя. Отказываясь от защиты своих прав и свобод перед лицом государства, мы отказываемся от свободы делать свой осознанный выбор. Очень легко спихнуть свою ответственность на плечи некоего «царя». А демократия, предоставляя рядовому гражданину инструменты влияния на политический процесс, вместе со свободой налагает и немалую ответственность за свой свободный выбор. Отказываясь от этого выбора, мы переходим на положение объектов приложения чужой политической воли, а становясь объектом чужого действия, мы теряем себя, превращаемся в вещь.

Еще одна грань феномена отчуждения в России — это отчуждение власти от действительности. Сегодня можно говорить о неадекватном представлении властей об окружающей действительности. Здесь сыграли свою роль два фактора — коррупция и отсутствие полноценной обратной связи между государством и обществом. Примеров такого отчуждения множество, начиная от заниженных показателей инфляции, которые не имеют к реальности никакого отношения, но на которых строится экономическая политика, и заканчивая многочисленными скандалами, связанными с приездом «начальства». К вышесказанному можно отнести и завышение своих зарплат учителями и врачами при встречах с руководством страны, и фальшивые детекторы на вокзалах. Иногда дело доходит до абсурда — когда начинают ставить фальшивые заборы и красить траву в зеленый цвет. К сожалению, можно констатировать, что это отчуждение идет в геометрической прогрессии — каждый искаженный факт порождает политическое действие, которое, будучи основано на ложных предпосылках, порождает в качестве результата новые искажения в представлениях о действительности.

Власть, отчужденная от реальности, неспособна адекватно реагировать на запросы общества, что ведет к кризису легитимности самого института государства.

В стране сегодня существуют несколько совершенно не пересекающихся параллельных миров — мир крупного бизнеса, мир властных структур, мир интеллигенции и оппозиции, мир рядовых служащих и рабочих и еще много других миров. В каждом из них свои представления о реальности — своя история, свои проблемы и даже своя экономическая статистика. Между этими мирами нет практически ничего общего. Одна из важнейших причин, по которым революции в Восточной Европе стали успешными, — наличие авторитетной гуманитарной элиты, наличие общественных авторитетов, признаваемых всеми. У нас таких нет. Люди ориентируются на разные идеалы, которые часто противоречат друг другу. Оказываясь неспособными к сплочению на основе неких позитивных идей, они сплачиваются вокруг объектов ненависти. А выбрать такой объект всегда легко — это и Соединенные Штаты Америки, и масоны, и мировая закулиса.

Но патриотизм, в основе которого лежит ненависть к другому, не дает подлинного единства. Настоящий патриотизм — это не крики «Ура, Россия!», не лобызание портретов премьер-министра и президента. Подлинная любовь к Родине — это равнодушие к судьбе своего отечества и к участию в его жизни своих сограждан. В современном мире подлинное единство и подлинный патриотизм невозможны без осознания важности жизни и свободы человека. Пока мы не поймем важность этой истины, мы так и останемся страной, населенной призраками, где все друг другу безразлично. Это равнодушие закрывает перед нами все жизненные перспективы.

Многие молодые люди оказываются не в силах выдержать эту обстановку, и в итоге они стремятся уехать из страны. Не думаю, что это удачный выход. Уехать отсюда — значит, признать себя беспомощным перед сложившейся ситуацией. Каждый человек, безразличный к бедам окружающих его людей, уехавший за рубеж, — это врач, сбегавший от своего больного. Конечно, у каждого из нас есть это право — уйти и забыть. Жить в этой удушливой атмосфере издыхающего советского монстра очень уж тоскливо. Можно пустить новые корни в другом месте. Вывезти семью и зажечь другой жизнью. Но лично мне будет горько осознавать, что моя страна покрыта паутиной, заброшена и забыта, лежит в пыльном углу на обочине мирового политического процесса.

Если не уезжать, то что? Надеяться на государство? К сожалению, как я уже говорил, государство сегодня не видит реального положения дел, исходит из иных представлений о действительности. Оно отчуждено от граждан и их интересов. Этот институт живет в своем мире, и уповать на его помощь не слишком-то рационально.

Боюсь, единственный путь, следуя которому можно переломить ситуацию, — инициатива снизу. Каждый равнодушный человек должен начать с изменений вокруг себя. Порой инициативе снизу придают слишком малое

значение, однако у нас нет иных путей разрешения сложившейся ситуации. Только частные примеры поступков конкретных людей способны преодолеть отчуждение в нашем обществе. Но сами по себе, без должной инфраструктуры, эти примеры угаснут и останутся неизвестными. Лишь инфраструктура гражданского общества, базирующаяся на сочетании свободы и ответственности, способна сделать частную инициативу взаимопомощи трендом. Для этого необходимы свободные и ответственные СМИ, благотворительные фонды, профсоюзы и институты самоорганизации граждан. Через эти институты отдельные частные инициативы станут общеизвестными и получают потенциальную возможность закрепиться в виде практик гражданского общества. К счастью, как мне кажется, мы делаем первые шаги на этом пути: развивается стремление наших граждан к благотворительности, повышается внимание к проблемам общества, на которые отдельный индивид не может оказать необходимого влияния. Во многом это произошло благодаря распространению Интернета и социальных сетей в России. Мы пока еще находимся в начале процесса формирования гражданского общества современного типа. Но от того, сформируется ли его инфраструктура, будут ли реализованы его потенциальные возможности, сегодня зависит то, в какой стране мы будем жить завтра. Двадцать лет очень большой срок, а сделано для преодоления советского наследия очень мало. Времени у нас осталось совсем немного. Но, надеюсь, мое поколение все же сумеет использовать его с толком.

III место

МЕДЕЯ КАПАНАДЗЕ

Москва

Я вырос в свободной России?

Я родилась в 1992 году в Москве. Такого удивительно свободного, полного надежд и одновременно трудного, опасного и нестабильного времени, как в начале девяностых, в России, пожалуй, не было. Уже была перестройка, рухнул железный занавес, уже был подавлен путч 1991 года. «Свобода», «гласность», «либерализация», «независимость», «суверенитет» были самыми употребляемыми словами; более того, они все больше воплощались в реальность. Возвращались из тюрем, ссылок, вынужденной эмиграции писатели, художники, режиссеры; возвращались книги, музыка, фильмы. Граждане заново

открывали для себя историю своей страны. Менялся формат новостей: другим становилось телевидение, газеты; литературные журналы были нарасхват. Страна освобождалась от коммунистических догм и советских стереотипов. Для гласности теперь не было никаких преград, ведь система, столько лет угнетавшая и жестоко подавлявшая любые проявления инакомыслия (и даже инициативы), была разрушена.

Можно сказать, что я родилась практически в самой свободной стране. Однако с Россией, как и с профессором Плейшнером, пьяный воздух свободы сыграл злую шутку. Наши родители сначала яростно боролись за элементарное выживание, потом, пользуясь открывшимися возможностями, пытались обеспечить нам, поколению, появившемуся при пустых магазинных полках, галопирующей инфляции, многомесячных задолженностях по зарплатам, достойное настоящее и будущее. Появившийся достаток (пусть небольшой) несколько затуманил разум граждан. Никто не заметил, когда началось «закручивание гаек» и постепенное ограничение свободы. Возможно, это случилось осенью 1993 года, когда был расстрелян Белый дом... А может, в декабре 1994-го, с началом кровопролитной и жестокой Первой чеченской войны, лукаво именуемой восстановлением конституционного порядка? Или гораздо позже, накануне Нового 2000 года, когда в предпраздничной суете окружение старого и больного первого президента России подсуло нам так называемого преемника? Трудно сказать...

Тем не менее мое детство действительно было свободнее, чем у моих родителей, его не ограничивали правила октябрятских, пионерских, комсомольских организаций, с ранних лет навязывавших определенную точку зрения и модели поведения. В школе нам ничего не рассказывали ни про «дедушку Ленина», ни про классовую борьбу. Я, как и почти все мои ровесники, не интересовалась политикой. Нас больше увлекала учеба, музыка, отношения с друзьями, ведь свобода — как воздух, на который обращаешь внимание только тогда, когда его не хватает. Но старшее поколение так заботилось о том, чтобы я была счастлива, так охраняло от всяческих проблем, что я едва не выросла безмозглым тепличным растением, не знающим жизни.

Осознание того, *что что-то не так*, пришло в августе 2008 года. Нашу многонациональную семью (я наполовину русская, наполовину грузинка) конфликт Грузии и России не мог не затронуть. Первым впечатлением было недоумение — случившееся для меня оказалось полной неожиданностью, понять, почему это произошло, было очень сложно. Мне казалось, что война — это борьба со злом ради воцарения справедливости на земле, причем весьма отдаленная от меня по времени и являющаяся только элементом истории. Было сложно осознать, что я могу стать свидетелем таких событий.

Ведь в школе я привыкла к тому, что в учебниках характер войн оценивается довольно однозначно, свои рассуждения мы строили уже по готовым

шаблонам и разбирали сформированные точки зрения, поэтому я считала, что практически в любой ситуации можно легко установить, кто прав, а кто виноват. Но в августе 2008-го информация с разных сторон подчас была совершенно противоречивой. Наша семья поддерживала связь с родственниками, живущими в Грузии (некоторые из них оказались в эпицентре событий), и поэтому очень скоро стало ясно, что, оказывается, государственные каналы могут выражать мнение, выгодное властям, даже если для этого нужно подтасовывать факты. Многие тележурналисты в те дни, изображая искреннюю озабоченность и тревогу за судьбу осетинского народа, называли прямую военную агрессию, бомбардировки сел и деревень, уничтожение мирных граждан, мародерство и грабеж «принуждением к миру». Теперь мне даже немного смешно вспоминать свое наивное понимание происходящего в стране — начиная с тех событий, я не верю новостям телевидения, и это представляется мне единственным разумным решением, и вообще верить кому-либо на слово стало трудно.

С тех пор ничего не изменилось, новости на телевидении не являются для меня уважаемым источником информации. Другое дело Интернет. Здесь возможности совсем другие: высказаться может каждый, особенно если он не имеет никакого влияния в обществе. Например, я могу совершенно не бояться выражать свое резко негативное отношение к существующему режиму, потому что мое мнение мало что может изменить. Однако люди влиятельные все чаще вынуждены задумываться о последствиях, вызванных их словами. Происходит так, что журналисты оказываются избиты, общественные деятели попадают на скамью подсудимых, мы знаем и случаи убийства, которые носят исключительно политический характер, и именно по этим причинам их расследование постоянно затягивается и осложняется. И тем не менее Интернет кажется единственной зоной, свободной от каких-либо форм контроля. Жаль только, что даже весьма современные и технически подкованные руководители нашей страны видят во Всемирной паутине лишь то, что сами захотят. Мы не видим никакой реакции на блоги Алексея Навального, Ольги Романовой или, например, твиттер Елены Панфиловой.

Во всех прочих сферах жизни зачастую государство не дает возможностей гражданам реализовывать основные из своих прав и свобод. Напрямую (через законы) ничего не запрещено, но о реализации свободы предпринимательства мы можем спросить у Евгения Чичваркина или Михаила Ходорковского. Насколько журналист может использовать свободу слова, хорошо знают родственники убитой Анны Политковской. Практику свободного и независимого суда испытал на себе Сергей Мохнаткин. Активисты «Стратегии-31» наглядно показывают, как осуществляется свобода собраний в нашей стране. Множество людей постоянно сталкиваются с аналогичными проблемами. Элементарной свободой перемещения не обладает инвалид-колясочник даже

в таком «продвинутом» городе, как Москва. Нищенская зарплата сельских учителей и провинциальных докторов тоже мало способствует осуществлению их свобод. Люди вынуждены прикладывать титанические усилия для добывания хлеба насущного. Почему обладатели «мигалок» считают себя свободнее других на дороге? На каком основании обнаглевшая и ничего не боящаяся бюрократия превращает целый народ в рабов своих коррупционных схем? По какой причине государство так легко и без сожаления расстается с талантливыми учеными, инженерами, музыкантами, программистами, уезжающими за границу уже не столько за деньгами, сколько за интересной работой, свободой творчества, самореализацией? Свобода вроде бы есть, а на самом деле ее мало кто чувствует. Мы как герои Игоря Губермана — «сполна имея все *права без права пользоваться ими*»¹. Власти, маскирующие происходящие несправедливости, свои ошибки, неверные решения и прямые преступления, убивают на корню ту идею свободы, уничтожения советского «тюремного режима», которой (по рассказам родителей) были некогда воодушевлены все. По моему мнению, ситуация в стране только ухудшается и будет ухудшаться. Власть позволяет себе все больше и больше, а организациям гражданского общества, оппозиционным партиям да и простым гражданам остается все меньшее поле для действий. Подавляется активность, причем силовыми методами; страна полностью перешла на «ручное управление».

Мне 18 лет, и в следующем году я впервые буду выбирать своего президента. Будет ли это голосование действительно свободным? Вряд ли кто-то заставит меня поставить «галочку» напротив фамилии, которая мне несимпатична, но что делать, если выбирать придется между «плохо» и «очень плохо»? В такой ситуации остается только признать, что я не вижу человека, достойного моего голоса. Такое происходит со многими. Одним, как и мне, не за кого голосовать, другие не верят в честность выборов в нашей стране, поэтому на избирательные участки придут либо те, кто знает, за кого голосует, либо те, кто собрались портить бюллетени, а в результате мы давно знаем, кто победит. Увы...

Как известно, «времена не выбирают»². У каждого поколения есть свой звездный час, когда проявляется наивысшая концентрация самосознания и свободы народа. Достойны ли такого взлета мои ровесники? Что мы будем рассказывать своим детям? А пока что, имея в новейшей истории страны всего несколько действительно свободных лет, мы действительно не можем заканчивать фразу «Я вырос в свободной России» иначе, как знаком вопроса.

¹ Губерман И. Первый иерусалимский дневник. М., 1991.

² Кушнер А. «Времена не выбирают...» М., 2007.

КАКИМ МНЕ ВИДИТСЯ 1991 ГОД

БАХТИЯР АППАСОВ, Волжский

1991 год — хаос, разруха, крах, начало бандитского беспредела и чиновничьего произвола, передела сфер влияния, развал СССР. Такими словами характеризуют 1991 и последующие годы многие мои знакомые, политики, журналисты, авторы книг и преподаватели. Однако стоит ли оценивать данный период только с одной стороны? Я думаю, что нет. Прежде всего потому, что это ведет к однобокости и неверному, искаженному восприятию тех процессов, которые тогда происходили как в нашей стране, так и за рубежом.

Посмотрите на современную ситуацию в мире — последний финансово-экономический кризис в США подкосил большую часть экономик стран мира. Сколько безработных, потерявших работу, ставших нищими, обанкротившихся, несчастных и обездоленных! Но ведь это только одна сторона медали. Те люди, которые хорошо понимают глобальные макроэкономические и политические процессы, очень хорошо на этом наварили, сделали состояния и капиталы и сейчас не бедствуют. Почему? Потому, что они такие гадкие, подлые и нехорошие? Может быть, но прежде всего потому, что они в кризисе увидели помимо рисков еще и возможности. Колоссальные возможности. На самом деле сотни людей стали миллионерами за время кризиса, десятки миллионов — миллиардерами. И наоборот — кто-то все потерял.

Так же как и у нас в стране в 1991 и в последующие годы: кто-то на волне кризиса (а этот период, безусловно, можно назвать кризисным) обогатился, стал миллионером, приобрел заводы, фабрики и пароходы, а кто-то все потерял. «Богатые становятся богаче, а бедные еще беднее» — достаточно яркий афоризм, описывающий реальную ситуацию в социально-экономических отношениях. Отношениях, регулируемых прежде всего законами психологии. Ведь для тебя всё равно так, как ты к этому относишься. Один в кризисе видит опасность, другой — возможность. Так же как и в войне — один видит забаву, потеху, возможность выслужиться, получить орден или медаль и их находит, потому что ищет именно это, другой видит гибель, третий — долг, высшую цель и благо, четвертый — жертву, которую необходимо принести ради чего-то. В конце концов, для тебя только это имеет значение — то, как лично ты к этому относишься. И лично я отношусь к событиям 1991-го и последующих лет весьма неоднозначно.

С одной стороны, кризисы приносят трудности, как для отдельных людей, так и для экономик стран, но в то же время они открывают новые возможности. Кто-то ими пользуется, кто-то нет, это уже особенность личности и социальной среды, но прежде всего личности. Кризис — он как катализатор. Кризис ускоряет социально-экономико-политические процессы. Плохо это или хорошо, достаточно трудно сказать. Мнения неоднозначны.

Однако точно можно сказать одно — событие такого масштаба не проходит даром и напрасно. Это всегда опыт. И кто-то его признает и использует, а кто-то закрывает глаза, отказываясь признавать ошибки и верить глазам и ушам своим, совершая ошибку, живет в иллюзиях и ничего не достигает, а то еще и мешает достигать другим. Такой подход, безусловно, деструктивен. Именно он привел к кризису 1991 года. Именно такой подход привел и к «внезапному» началу Второй мировой войны. Общественность в лице ведущих держав Европы отказывалась поверить в мощь, потенциал и планы Германии того периода. Все мы отлично знаем, к чему такое отношение привело. Чемберлен на переговорах с Гитлером в преддверии войны, вместо того чтобы трезво оценивать ситуацию и смотреть объективно и бесстрастно угрозе в лицо, как положено политикам и общественным деятелям его уровня, поверил лжи Гитлера. Потому что хотел поверить. Спасал свою карьеру, закрывая глаза на факты. Именно такой подход привел и к краху советской, тогда уже российской, экономики и к двум дефолтам подряд. Хотя однозначную роль тут сыграла не только безответственность отдельных деятелей. Ответствен за события, происходившие тогда, так же как и за события, происходящие сейчас, был каждый. Каждый житель необъятного по тем временам Советского Союза.

Каждый сам создает свою действительность, хотя бы потому, что он способен влиять на себя и на свое ближнее окружение. Способен сделать хоть что-нибудь, внести свою лепту в благосостояние и процветание нашей великой Родины. Хотя бы перестать мусорить где попало или выключать за собой свет в туалете. Безответственность, так же как и ответственность, это не следствие национальности, пола, расы или цвета кожи, а следствие прежде всего сознательности, осознанности и самосознания. А это, однозначно, достижимо для каждого. Поэтому для современной России, несомненно, важно не кто был прав или виноват, а реальное положение вещей и трезвый взгляд на ситуацию, объективное извлечение опыта и уроков из прошлого и самое главное — действие, достойное наших дедов, прадедов, отцов и матерей, отдавших свои силы и даже жизни за наше благосостояние.

АНАСТАСИЯ МЕЛЬНИК, Новосибирск

ЗАРИСОВКА

Досье

Ф.И.: Пашнин Евгений

День рождения: 7 января 1992 г.

Город: Москва

Где учится: студент МГУ, факультет фундаментальной медицины

Евгений — высокий парень с подбитым глазом, фотоаппаратом в руках и несколько потерянным взглядом, у него есть тройки в аттестате и бюджетное место в МГУ. Но, по сути, он врач, мечтающий о стабильности и определенности.

Из беседы с нашим героем стало понятно, что для него эпоха СССР, безусловно, ассоциируется со Сталиным, пятилетками и «холодной войной». А вот о распаде Союза он знает немного, вспомнил лишь рассказ родных о талонах и акциях «Газпрома».

Женя родился в семье советских интеллигентов. Мама — школьный психолог, папа — инженер-конструктор. Женя появился на свет под Рождество. Своим появлением он осчастливил родителей еще и дополнительным талоном на масло, позволив отметить это событие более радостно. Развал СССР его семья рассматривает скорее как небольшую сложность.

— Я ни разу не слышал горечи в голосе родителей, когда они рассказывали о талонах на еду. Наоборот, этот жизненный период они вспоминают с теплотой, а иногда с усмешкой, — рассказывает и улыбается Женя.

В тот период его родители оканчивали вуз, устраивались на работу и начинали трудиться. Когда родился Женя, бабушке за заслуги перед СССР выдали квартиру в небольшом нефтяном городке Радужный. Из-за желания получить хороший старт в карьере и более высокую зарплату родители переехали в Сибирь. В 1997 году вернулись в город Череповец из-за желания жить самостоятельно и дальше развиваться профессионально.

— Женя, как относишься к тому, что ваше поколение называют поколением эпохи перемен?

— Я гораздо чаще слышу, что дети девяностых — это дефицитные дети, которых очень мало. Речь идет не только об эпохе нехватки товаров, но и о демографической яме. А насчет поколения эпохи перемен... Возможно, в нас еще сохранились какие-то пережитки прошлого, с которыми мы вступили в новый век.

Сам Женя считает, что у людей в Советском Союзе, в отличие от граждан новой России, все-таки была вера в будущее, были гарантии: «Каждый знал, что после университета он пойдет работать по специальности и его не оставят. На данный момент сложно представить будущее отдельного человека, потому что все быстро меняется».

— То есть ты не хочешь перемен? Боишься не найти достойную работу?

— Я готов к переменам, только не знаю, чего ожидать. Пугает ответственность, что буду сам выбирать, где работать. Хочу, чтобы какая-нибудь рука подводила к тому, что мне нужно. Сейчас я учусь на медика, хочу стать врачом. Я вижу, что мои сверстники практически каждый месяц меняют свое мнение относительно того, какими врачами они хотят стать. Думаю, этот пример отражает нашу неуверенность в завтрашнем дне. Например, кем быть — психиатром или патологоанатомом? Я тоже не знаю. Возможно, позже определюсь, когда узнаю больше о своей профессии. От жизни жду стабильности и хочу быть уверенным, что смогу найти достойную работу. Сейчас я никуда не тороплюсь, но знаю, что в моей жизни все обязательно будет: и семья, и работа, и экстремальные путешествия, и многое-многое другое.

1991 ГОД В РАССКАЗАХ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

АНАСТАСИЯ СТЕПАНЕНКО, Челябинск

Меня зовут Анастасия Степаненко. Я появилась на свет холодной ноябрьской ночью 1991 года. Родители очень ждали моего появления на свет, хотели, чтобы родилась именно доченька, хотя для меня это до сих пор кажется странным — у них уже росла девочка, моя старшая сестра, Наталья. По всем житейским правилам мой папа должен был желать появления наследника, но они с мамой решили, что две сестры будут лучше понимать и поддерживать друг друга. По воспоминаниям моей мамы, время было тревожное, сложное. Об этом говорит и статистика: детей в эти годы появлялось все меньше и меньше. Родильный дом поразил маму своей пустотой и безмолвием. На каждом этаже трехэтажного здания были заполнены только две палаты по пять человек. Для сравнения: когда появилась на свет моя старшая сестра, маме пришлось пролежать в коридоре двое суток, так как все палаты были переполнены. А ведь прошло всего семь лет. Наверное, люди стали опасаться, что не смогут прокормить, одеть и дать достойное воспитание своим будущим детям.

Меня заинтересовало, какими событиями был богат 1991 год. Как будущий историк, я знаю, что это год развала некогда большого и сильного союзного государства. Год провозглашения президентства сначала в СССР, а затем и в России. Год глобальных перемен и социальных катастроф. Но это лишь сухие факты учебника истории, мне же захотелось узнать, что помнит моя мама о тех событиях двадцатилетней давности, как отразились глобальные перемены в стране на судьбе моего города и нашей семьи.

В моем родном провинциальном Челябинске в 1991 году, кроме привычного Сбербанка СССР, как грибы после дождя появляются коммерческие банки, открывается биржа. При этом катастрофически не хватает продуктов и все больше товаров продается по талонам. В детстве для меня было часто непонятно, когда родители говорили о талонной системе, огромных очередях и пустых прилавках в магазинах. Нашему поколению сложно представить низкие цены на продукты и одежду, но при этом их полное отсутствие в магазинах. Моя бабушка часто шутила: «С этими деньгами, что мы получаем сейчас, да те бы цены, которые были в СССР». Рассмотрим прейскурант цен СССР: проезд в трамвае — 3 копейки, в троллейбусе — 5 копеек, булка белого хлеба — 15 копеек, мороженое от 7 копеек и пресловутая вареная колбаса за 2 рубля 20 копеек. Как-то на работе мамы коллеги делились своими впечатлениями о 1991 годе. Оказалось, что он у каждого имеет свой вкус... В нашей семье это вкус греч-

невой каши, так как папин друг привез мешок гречки и семья питалась ею в течение полутора лет ввиду отсутствия других продуктов. В семье одной из маминых коллег питались исключительно макаронами, а у другой — морковью.

В обиходе появляется новое слово — бартер, зарплаты и пенсии начинают задерживать.

17 марта всероссийский референдум о введении поста Президента РСФСР был проведен в России в один день со всесоюзным референдумом о сохранении СССР. Вопрос референдума о введении поста президента звучал так: «Считаете ли Вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?»

Ответили «да» 69,85% участвовавших, ответили «нет» 28,01%.

Всесоюзный референдум о сохранении СССР был единственным всесоюзным референдумом за всю историю существования СССР. И хотя 76,43%, ответив «да», высказались за сохранение обновленного СССР, это государство вскоре перестанет существовать. Бойкотировали проведение референдума прибалтийские республики, а также Грузия, Молдавия и Армения.

2 апреля 1991 года постановлением Правительства СССР цены на товары выросли в несколько раз.

Мои родители входили в то большинство, которое хотело сохранить СССР, и их очень пугали перемены, происходившие в то время в стране. А особенно та скорость, с которой все происходило. Перед выборами 6 июня 1991 года в Челябинск приехали два кандидата в президенты России — Ельцин и Жириновский. Ельцин шел на свои первые выборы под девизом «Южно-уральцам нужна реальная помощь», Жириновский — «Я молод и энергичен, а именно такой президент и нужен России», и в выборах Президента РСФСР победил Борис Ельцин. А затем, летом, началась подземная голодовка шахтеров шахты «Центральная» Карабаша. Шахтеры выступали за продолжение добычи руды, считали возможным сделать предприятие прибыльным, голодовка закончилась победой шахтеров.

Вышел Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР».

И вот наступил август, никто не ожидал появления на телеэкранах «Лебединого озера», а следом трясущихся рук Янаева. Страх и ужас — вот какие ощущения возникали у видевших все это. С самого начала было ясно, что ГКЧП морально раздавлен, он не победит. Но обстановка все равно была очень напряженной. После таких публичных заявлений о захвате власти группой лиц, то есть фактически о государственном перевороте...

Наша семья с первых минут оказалась в полном составе на стороне Ельцина. Когда вскоре ГКЧП арестовали, у всех как камень свалился с сердца.

Прошло уже 20 лет с тех пор. Да, нет больше железного занавеса. И многие россияне свободно ездят по миру. Видят жизнь в других странах, видят отношение государства к своим гражданам. И конечно, сравнивают. После чего некоторые переезжают. И поток этот пока не ослабевает. Поскольку мечты и надежды, связанные с августом 1991 года, во многом не оправдались. Даже можно сказать — в главном не оправдались. Мало было просто отменить шестую статью Конституции о руководящей роли партии. Если все люди, живущие в стране, не почувствуют личную ответственность за ее судьбу, на смену одной руководящей партии придет другая.

Моисей водил евреев по пустыне, как известно, 40 лет. Чтобы отучить от рабства. Неужели и России потребуется столько же? Во всяком случае, первые 20 лет были во многом растрчены впустую.

Ростки свободы и здравого смысла в России есть. Слабые, но есть. Малый и средний бизнес, не зависящий от бюджетных денег, от позиции власти, есть. Его крайне мало, недостаточно. Но тем не менее он виден невооруженным глазом. Растущая сфера производства, само собой развитая торговля. Да хоть те же парикмахерские на каждом углу и полюбившиеся многим кафе и ресторанчики. 20 лет назад ничего этого и близко не было. А сейчас первые этажи домов плотно заняты (и не только в центре города) людьми, самостоятельно ведущими свой малый бизнес. Этот социальный слой крепнет. И однажды у него появятся свои политические интересы.

Мы с мамой говорим на эти темы не в первый раз. Примеры перед глазами — они сильнее всяких слов. Куда сходить на обед? В «Избу» на улице Труда или в «Минутку» на Свободе? Или просто перехватить горячих пирожков в подземном переходе? А стрижку мне лучше всего сделает Женя из маленькой парикмахерской, я знаю ее уже несколько лет. Она настоящий мастер. Обувь починит человек в маленькой лавочке около ближайшего магазина. Все эти «субъекты малого бизнеса» существуют самостоятельно, без государственных подачек. По-разному существуют, конечно. Кому-то приходится труднее, кому-то легче. Но они нашли, так или иначе, свою нишу. Нашли применение своим силам. И у них есть свои клиенты. В том числе я. И им не нужна руководящая и направляющая сила.

Моя мама — домашний тактик и стратег. Она мыслит глобально. И снова и снова напоминает, что надо ходить на выборы в любых условиях. И голосовать. Потому что и сегодня есть выбор между кандидатами, между партиями. С чего-то надо начинать. Сегодня — это начало традиции ходить на выборы, а завтра — уже реальный шаг вперед, к здоровой политической конкуренции. При которой только и рождается страна, в основе существования которой лежит закон и здравый смысл. И я с ней полностью согласна. Осталось убедить многих наших общих знакомых. Которым, скажем, лень идти на избиратель-

ный участок. Или которые считают, что их голос все равно ничего не решит. Им кажется странным подход некоторых стран, в которых не ходить на выборы и не голосовать — преступление. А мне лично кажется, что сегодня в России такая бы норма в законе не помешала. Надо победить всеобщую апатию и равнодушие.

Несмотря на сложности и трудности жизни в 1991 году, он стал одним из запоминающихся периодов времени, которому в моей семье благодарны. Он открыл многие возможности для развития предпринимательства, свободы слова, выборности и сменяемости власти. Не знаю, смогла бы я, оказавшись на месте моих родителей, справиться с такими трудностями. Но благодарна им за то, что, не побоявшись ничего, они подарили мне жизнь.

НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 20-ЛЕТНЕЙ ВЫДЕРЖКИ — ЧТО ОСТАЛОСЬ?

ЕКАТЕРИНА АЛИКИНА, Санкт-Петербург

В историческом процессе, на мой взгляд, прошлое определяет настоящее и будущее. Прошлое и будущее государства могут различаться формами политического устройства, экономической и политической системой, но всегда будет существовать традиция преемственности и передачи накопленного наследия будущим поколениям. Даже когда ставится задача построения абсолютно нового государства, изменения всего политического строя, новое государство создается на базе старых социальных отношений и экономической ситуации, которые могут быть кардинально изменены только путем постепенных реформ на протяжении столетий. Последующим поколениям при попытке построения нового государства остается вектор экономического развития, материальные воплощения предыдущих эпох, памятники архитектуры и самое главное — традиции и определенные установки сознания.

Советский Союз, просуществовавший более 80 лет, оставил после себя огромное наследство. Принимая во внимание все издержки построения нового государства, нельзя не признавать, что Советский Союз был великой державой. За данное время страна превратилась, как было заявлено в лозунге 30-х годов, из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую все необходимое для собственного развития. Были построены многие города, созданы предприятия тяжелой индустрии и легкого производства, экономическое развитие страны ускорялось высокими темпами. В экономической сфере это время глобальных достижений. Была решена такая важнейшая проблема, как создание фонда собственного жилья. Если приезжаешь в маленький промышленный, провинциальный город России, то понимаешь, что все создано там во время индустриализации: заводы, которые являются градообразующими предприятиями, дома, дороги, даже коммуникационные системы. И тогда, находясь в этом маленьком городке, ты понимаешь, что в то время был сделан огромный рывок вперед. А что сейчас? Понимаешь, что существует огромное множество проблем, которые затрудняют развитие страны. И что «Россия, вперед! Стратегия-2020» — это всего лишь популистский лозунг и предложенные там параметры будущего страны всего лишь несбыточные мечты. За данное двадцатилетие было закрыто много предприятий, приостановлено производство многих товаров. На заводах стоит советское оборудование, и мало что изменилось даже с началом объявленной модернизации. Из глобальных про-

ектов ничего не было реализовано и построено. Использование накопленного капитала без создания нового ведет к серьезным проблемам, которые мы можем наблюдать. Даже в такой важной отрасли, как самолетостроение, более 150 отечественных самолетов недооборудованы современными системами безопасности. Также важнейшей проблемой становится увеличивающаяся добыча нефти. Именно в советское время, в последние годы его существования, главной статьёй в бюджете государства стала нефтепродажа, чем пользуется наше правительство и сейчас. Это становится огромной проблемой, так как из-за привязанности бюджета к цене нефти наши рынки очень чувствительно реагируют на мировые изменения в экономике.

Но не стоит слишком идеализировать советский период и исходить только из успехов в экономической сфере. Промышленное преобразование страны происходило за счет ограбления деревни, разрушения устойчивых социальных отношений внутри деревни. На данном периоде развития нашего государства сохраняется проблема развития сельского хозяйства, был уничтожен целый пласт крестьян-собственников, что подорвало самосознание крепкого хозяйственника. Сейчас на территории России остаются неиспользуемыми миллионы гектаров земли, многие колхозы прекратили свою деятельность.

Что касается социальных отношений и самосознания россиян, то новые черты тесно сопряжены с установками, сформированными до Советского Союза и во время его существования. Ощущение относительного равенства, созданное в Советском Союзе, сменилось на резкую поляризацию населения по доходам, образованию. И уже не в первый раз политологи и исследователи говорят о начале складывания сословной системы. Из советского времени в российское государство перекочевали такие извечные для России проблемы, как коррупция, взяточничество. Процессы демократизации не были восприняты большинством населения через ее основные ценности — политическую конкуренцию, права и обязанности. Сложно переключиться с системы тотального контроля и запрета на вседозволенность и политическую свободу. Если в 90-е годы наблюдалась политическая активность, вовлеченность граждан и их интерес к происходящим событиям, то вскоре это сменилось социальной пассивностью, конформизмом и патерналистскими настроениями. Политика так и остается персонифицированной, только генсек сменился на президента, также остается довольно низким уровень политической образованности граждан. Но можно отметить такую тенденцию, что за последние 20 лет сознание людей было подвержено необходимости соответствовать абсолютно новым требованиям формирующейся новой политической, социально-экономической системы. Берущие свое начало в 70-е годы утилитарные ценности по достижению материального благополучия и приоритету частного интереса стали главенствующими в жизни россиянина. Но вместе с формирующимся индивидуализмом жизненно важными ценностями для большинства людей

остаются равенство, справедливость. Равенство понимается в социалистическом, перераспределительном смысле. Но в сравнении с Советским Союзом, когда существовала единая идеология, вера в «светлое социалистическое будущее», сейчас не сформированы и находятся в глубоком кризисе важные для российского сознания представления о патриотизме и единой идее.

Двадцатый век — время перемен, великих событий и значимых людей. Российская Федерация стала преемницей Советского Союза. И как государство она еще только складывается со своими характерными чертами и особенностями. И от того, насколько будет использован капитал Советского Союза и решены существующие проблемы, насколько будут кардинальными изменения в социальной сфере, будет зависеть будущее России.

МАРИЯ ГРИДИНА, Барнаул

1988 год. Город Рубцовск. Очереди за сахаром. Мне было года два. Я всегда начинала капризничать, не вынося этого многочасового ожидания. По рассказам бабушки, жилось весело: «В 89-м подарили на работе мне пачку индийского чая. Как раз зашел муж, чтобы вместе пойти домой, положили коробочку в прозрачный пакет. Идем по городу, все смотрят — муж, увидев очередной любопытный взгляд, пошутил, что без талонов чай продают, и сказал где. Народ ринулся туда... Продавщица кричала и заклинала уйти, заведующая с накладными бегала перед возмущенными покупателями, убеждая, что никакого чая и не было...»

Еще воспоминание — не мое, а старшего коллеги-журналиста. В его редакции разыгрывали подписку на книжки из серии «Библиотека “Огонька”». Редактор взял старую кроличью шапку, туда накидали бумажек с номерами, и все по очереди тянули. Кому-то достался Булгаков, кому-то — Трифонов. А коллега, начинающий тогда журналист, вытянул Бориса Горбатова. Сильно расстроился. «Ничего, — говорили ему старшие коллеги, — поработаешь с наше, будешь и ты Булгакова с Пастернаком выигрывать!»

Но прошло несколько лет, и розыгрыш дефицитных книг ушел в историю, как и талоны на продукты и очереди за дефицитом. Но вот что удивительно. Часто кажется, что, несмотря на это, свободы в конце 80-х годов и в 90-х было побольше, чем сегодня. Взять хотя бы острый, бескомпромиссный, издаваемый миллионными тиражами «Огонек», свободную прессу и журналистские расследования в 90-х, Доренко и Сванидзе, Листьева и Караулова. Да, может быть, это были информационные войны олигархов. Но сегодня и их нет. А есть одна «заказуха» — негатив против Лужкова за неделю до его отставки и

против Прохорова — сразу после его обвинений в адрес Администрации президента. Похоже, свобода потихоньку «выкипела», как выкипает оставленное забывчивой хозяйкой на плите молоко. Только в нашем случае надо говорить не о забывчивости, а о злом умысле «хозяев».

И как всегда бывает, спускаясь по вертикали вниз, эти порядки умножаются и доводятся до абсурда, проходя через старательность, перестраховку и страх чиновников и руководителей местных СМИ. И вот уже ездят алтайские журналисты в бесконечные пресс-туры, описывая счастливых аграриев, радостных педагогов и многодетных мам, довольных жизнью и зарплатой медиков. Ездят, а потом накачивают свои СМИ «позитивом», рисуя фальшивые картинки «регионального гламура», чтобы обеспечить партии власти заветные 65% на выборах. Газеты полны статьями и заметками об идущей семимильными шагами «модернизации здравоохранения», а старики в селах умирают, потому что скорая отказывается приезжать к ним на вызовы, пациенты не могут получить талон к врачу в поликлинике и стоит на окраине Барнаула многолетний долгострой — фундамент Центра высоких медицинских технологий. К нему и Путина возили, и Голикову, но воз и ныне там. Оборудование морально устаревает, деньги ушли впустую.

А еще на местном ТВ прошел проект «Народный политик». Люди с улицы участвовали. А зрители голосовали. Лучший стал советником губернатора. Все бы ничего, только и этот проект единороссовский. Цель — попиарить и раскрутить будущих кандидатов.

Апофеоз лояльности — отказ многих местных газет участвовать в кампании по выборам в Госдуму. Вроде бы больших денег лишаются от политической рекламы. Но преданность чиновникам дороже. Ведь те попросили не давать площади в газете разным всяким эсерам, коммунистам и прочим правым. Тогда у нас точно партия большинства получит свои 65%.

Свобода и демократия нынче как электрокамин — работают в имитационном режиме. Псевдонародный фронт, как бы праймериз... Первое место занимает «паровоз» — губернатор. С большим отрывом. Второе — один из боссов «Единой России» Сергей Неверов. Третье — сынок хозяйки фирмы «Эвалар», которая финансирует кампанию алтайских единороссов. Четвертое — московский ФСБ-шник. Кто бы сомневался. Удивительно, что не первое...

Я вспоминаю рассказ коллеги про розыгрыш дефицитных книг. Мне кажется, что сейчас история совершила круг и повторяется на новом витке. Только теперь из старой кроличьей шапки достаются бумажки с нашими правами и свободами. А еще собственность и власть. Повезло — «выигрываешь» «Газпром» или «Норникель». Не повезло — теряешь «Юкос» и садишься в тюрьму. В фаворе — получаешь партию «Правое дело». Начинаешь борзеть или излишне самостоятелен — партию отбирают. Лояльная преданная землячка? Получи кресло спикера Совета Федерации. Точнее, эти заветные фан-

тики не разыгрываются, а даются по благу, с черного хода. А вместо талонов на колбасу и масло ввели талоны на права и свободы. «В одни руки — одно право и две свободы!» — кричит кремлевский «продавец». А очередь молча ждет с протянутой рукой. Потому что свободу эту на хлеб не намажешь.

Недавно встретила знакомого. Он собирается на учебу в Германию. Хочет там остаться навсегда: «А что тут делать? Все куплено и схвачено, перспектив никаких». И таких много. Мое поколение ничего не хочет менять, идти во власть, в местные советы, добиваться каких-то изменений. Тогда точно будет только хуже. И мои дети, не дай Бог, будут капризничать в очередях за сахаром и колбасой. История повторится?

ДМИТРИЙ ЕФИМОВ, Чебоксары

Задумчивость и уныние появляются на лице, когда вспоминаешь былую империю Советского Союза. Вчитываясь в страницы истории или же в воспоминания тех, кто тогда жил, понимаешь, сколько сил, усилий было положено на этот алтарь всеобщей свободы. Любая идея, прекрасная и несущая блага за ручку со свободой, она на начальной стадии своего развития обрамлена ореолом чистоты и правильности. Возникает трепещущее чувство, что вот принять это, свергнуть, стереть, убрать старое ненавистное и будет хорошо, вот тогда-то и заживем. Как в «Интернационале» пелось: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем — тот станет всем...» А ведь и действительно поверили, пошли. Не будем вдаваться в подробности о том, во что это обошлось и сколько тонн крови оросило эту землю. Не нам судить историю. Да, были ошибки, да, были просчеты; среди основных можно назвать «полное отрицание империалистической, буржуазной истории», как было сказано в одном из современных фильмов «Отрицалово». Но все, что было «до», не вычеркнуть, не стереть из памяти людей, не вырвать, как исписанную страницу из блокнота.

Задаваясь вопросом о гражданской войне, невольно приходится помнить, чем это чревато. Нет ничего страшнее того, когда сосед идет на соседа, с которым прожил мирно бок о бок всю жизнь, или когда рубятся отец с сыном; это было время, наполненное упадком, расколом в умах и расколом в семьях. У истории нет сослагательного наклонения «если бы», колесо ее неостановимо ни на миг...

Советское время — это период, когда из ничего сделали промышленность, мощь страны, вывели страну на мировую арену, потому что Первая мировая война, резкий переворот в стране привели к полной разрухе, к упадку экономики и того малого промышленного сектора, который был. По утверждению

историков, сталинская диктатура является неизбежным следствием защитного механизма. Под угрозой начала новой интервенции со стороны Англии в 1927—1929 годах это был вынужденный шаг. К вынужденным можно отнести и коллективизацию, и увеличение военного промышленного сектора, в эту же кучу отправить сталинские лагеря. Жестоко, но вынужденно. Иначе неизвестно, выстояли бы мы во Второй мировой войне или нет...

Любая страна может рассчитывать на снисхождение со стороны власть имущих стран, надеяться, что ее не обидят, меньше внимания уделят военному сектору... А что делать, если страна мирового масштаба и сама является властью имущей?

Советский период не исчисляется только жестокостью, страхом, все растающим бюрократическим механизмом, пустыми прилавками, недостатком простых бытовых товаров. Вспомните радость, которую испытывали, когда получалось достать итальянские ботинки, или турецкие платки, или заморские кроссовки. А если заглянуть глубже в историю, какой радостью наполнялись люди, гордясь своей страной, ее новыми достижениями. Атомная бомба, первый полет в космос, спутник, строительство ГЭС, заводов, домов, садилов и школ...

И вдруг всего этого не стало. Роковой день 8 декабря 1991 года. И вот мы живем в новой стране, рожденные в другой стране, и уже даже в прошлом веке... Прозванные литераторами и социологами поколением «П» или поколением «Пепси». Есть даже целая книга В. Пелевина под названием «Поколение П», по которой снят фильм. В книге обрисовано поколение наших родителей, которые в отличие от нас, еще несознательных людей, видели 90-е и могли здраво рассуждать, если, конечно, понятие «здоровый смысл» вообще применимо к тому периоду. Стремление к легким деньгам, покупка-продажа, люди как обменная валюта — товар. И вот эта свобода от мнимого «ига» Советского Союза. Щекочущий запах паров бензина, гнилой доктрины и новых купюр. Теперь шаги более поспешны, а деньги куда больше. Вчерашний водитель может стать банкиром, повариха — хозяйкой фабрики, швея — владелицей сети магазинов, преподаватель или партийный работник — новым идеологом. За несколько лет все переменялось. Культурная революция. Сладок-сладок путь свободы, только вот почему-то большинству эта свобода далась тяжело. Старый советский холодильник, которому уже лет двадцать и который иногда явно напоминает трактор или какое другое чудо техники... Треники с выступающими коленками: «а чё там, дома пойдет...» — или сапоги, просящие каши, а мы их кормим только очередной порцией клея... Забрызганные и исписанные детской рукой обои — пусть хранятся как память, все равно на новые денег нет. Тараканы в старых хрущевских строениях или в коммуналках да в общежитиях — это такие же полноправные жильцы, их срок прописки ничем не уступает вашему. Философские беседы на кухне, теперь уже не запре-

тят, теперь можно, через мат да бесстрашно, разливая горькую водку, чтоб заглушить обиду...

Но вот беда, Союза уже нет, а советчиной все еще пахнет. Образ черного воронка подменяется образом суровых дяденек из ФСБ. Разве что Путина В.В. и Медведева Д.А. ни с кем не посмею сравнить, а вдруг действительно дяденьки приедут. У нас плюрализм... А вы в это верите? У нас однопартийная система, как и в Союзе, вот только нам приходится тратить много денег на поддержание иллюзии политического плюрализма.

Высший закон РФ — это Конституция. А что в ней сказано? Большинство и не ответит ведь, разве что первые две строчки... Но проведенный полетный опрос показал, что первые строчки являются неразрешимым заданием для многих. Конституция дарует нам права и свободу. А как быть, если эти права и свободу нарушают? Когда для изменения общего положения дел не нужно менять Конституцию, достаточно издать указ, объявить о нем в мало растиражированных СМИ и по истечении периода ожидания ввести «в жизнь».

Отступая из политического в экономический сектор, можно с еще более грустным вздохом констатировать смерть или последние удары пульса отечественного производителя. В принципе-то, а зачем производить, когда дешевле покупать и перепродавать? Вложений меньше — денег больше. Круговорот денег диктует круговорот жизни. Это однолинейное движение — мы за ними, они от нас. От абсолютно стертого с лица России среднего класса, по принципу клонирования и размывания, из ничего возродили нас — этот почетный средний класс. Зарплаты подняли, работу дали... Рожай и наслаждайся. А подняли-то в сравнении с тем, что осталось после того, как все отняли в очередной раз и за счет народа решили внутрисударственный кризис в 90-х. Работы много. Нельзя отрицать. А что делать, если ты физик? Цитируя своего соседа, «только дворником для министра». Историку тогда куда? В школу. А как прокормить семью? Только плечами пожимать остается. Или же, повинувшись современному богу, Маркетингу, за стойку, продавать...

Строили города, поселки, колхозы, осваивали целину. А сейчас города и поселки пустеют, там живут только птицы или ветер порой прогуливается; деревни и колхозы либо в упадке, либо остались только столбы от построек, так как все остальное быстро растаскивается; ранее вспахиваемая земля заросла бурьяном, крапивой, колючками. Даже не верится, что за все это люди клали жизнь, проливали кровь и пот.

Чем кормится современная молодежь, наше поколение — наследников советского духа, впитавших его с молоком матери? Клубы. Жажда денег. Социальные сети. Невольно задумываешься: неужели все так плохо? Но нет, и среди нас есть те, кто по молодости, по глупости верит в идеалы, в то, что будет все хорошо. Наблюдая за теми, кто старше, кого уже макнули в «реальную жизнь», хочется бежать от этой гнетущей реальности. Когда мир превращает-

ся в линейное движение за деньгами для того, чтобы выжить, или для того, чтобы жить лучше, люди просто забывают жить. Они похоронены в блоках своих квартир, зомбированы все дозволяющим Интернетом. А порой так не хватает этой простой радости: итальянские ботинки, или турецкие платки, или заморские кроссовки...

АНДРЕЙ ЖЕРДЕВ, Воронеж

Когда я поставил перед собой этот вопрос, я сразу начал вспоминать уроки истории, хотел даже заглянуть в учебники. Многое нам от Советского Союза досталось в наследство. Тут я должен, по идее, пуститься в рассуждения об исторических моментах, о ситуации в стране, о развале. Или с совсем уж публицистическим пафосом начать сравнивать, как жилось в Советском Союзе и живет в современной России. Если кратко — у нас бардак, но и он тогда был не меньше. Но я попробую совсем о другом. О личном...

В данном эссе я решил обратиться к собственному опыту, а точнее сказать к увиденному мною. На площади города расположен огромный памятник Ленину, его я вижу почти каждый день по дороге на учебу. И не 20-летней выдержки, а полстолетней, наверное, уже. Много разговоров ходило о том, чтобы его убрать с площади, что это пережиток прошлого, что-то новое нужно поставить, под стать времени. Я всякий раз спрашиваю этих людей: а что же вы поставите взамен, фигуру нового «вождя», что ли? Но ведь бред. Меня, кстати, огорчил вот какой момент. Отвлекусь. Этим летом мне довелось побывать в Новороссийске, где, по сведениям Google, остался единственный в России памятник Брежневу, — его там не оказалось. Но прохожие, у которых я спрашивал дорогу, по-моему, об этом даже не подозревали. Жаль.

Но не только памятники напоминают о советском прошлом — ландшафт половины города говорит о нем. Покосившиеся здания, обшарпанная штукатурка, такое ощущение, что мой подъезд лет двадцать не ремонтировался.

Настоящее, а главное, вполне осязаемое наследие — это дороги, по которым мы ездим. Пусть они и ремонтируются чуть ли не каждый год, но мой папа, например, разницы не видит. Быть может, мы не по тем дорогам ездим?

Когда я приезжаю к бабушке, я вижу дом с посеревшей крышей. Дом, в котором выросла моя мама и от которого веет таинственной дремотой. В гараже стоит старенький «москвич», еще моя мама на нем каталась. Вот, кстати, еще один пример — автомобили, не будем говорить о качестве этих авто.

Мне, как студенту юрфака, по долгу службы известна и система судопроизводства и правоохранительных органов, на которых я хотел акцентировать

внимание. За столько лет ничего не изменилось, если не стало хуже, если говорить о доверии народа к правоохранительной системе.

Ранее суд занимался сыскной функцией, что предопределяло его односторонность. Суд занимал сторону обвинения. Не сказать, что это ушло. Суд порой предвзято относится к подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Законодательство поменялось, вместе с ним и процедура, но люди остались ведь на своих местах. Как ходил прокурор 20 лет к судье, так и будет ходить.

Нужно отметить, что по количеству тяжких и особо тяжких преступлений РФ и СССР похожи. Сохраняется и статистика экономических преступлений.

Количество заключенных в тюрьмах осталось примерно таким же. Это говорит о том, что пенитенциарная система государства осталась прежней.

Мне, как гражданину, немаловажно состояние общества, в котором я живу. По количеству курильщиков наша страна продолжает лидировать. Насколько мне известно, количество их увеличивается.

Нам досталась и хорошая доля долгов СССР, которую правительство, говорит, почти выплатило. Но ведь почему мы взяли на себя львиную долю долгов? Просто вместе с ними к нам перешла собственность СССР за рубежом. И упускать ее из рук было бы непрагматично.

Дошло до нас и эхо холодной войны. Моя знакомая общалась с 20-летними американцами. После вопроса, который они задали, мне стало просто смешно — до боли. Спрашивают: «А правда ли, что у вас по улицам ходят медведи?» Они боятся приезжать к нам. Мнение, которое осталось о нас на Западе, — это ли не наследие?

Сохранившийся бюрократический аппарат продолжает жить и просто грабить Россию. Досадно и грустно. Вот такое неоднозначное наследие досталось нам.

МАРИЯ КНЯЖЕР, Домодедово

Двадцать лет прошло с тех пор, как перестало существовать государство, которое было родиной моих родителей. Распался Советский Союз — и родилась я. В абсолютно новом государстве, с новыми территориями, новой Конституцией, новым президентом. Все новое. Так считается — но так ли это в действительности?

В этом эссе мне бы хотелось рассмотреть некоторые «пережитки» СССР. То, что досталось нам в наследство от того государства, нужно искать как в формальных документах, процедурах, механизмах, так и в сознании людей — не только тех, что жили во время существования Союза, но и тех, которые застали СССР лишь в младенчестве или не застали вовсе.

Сегодня писать об этом особенно актуально в связи с недавно произошедшими событиями на политической арене России. В конце сентября 2011 года на съезде «правящей партии» — ЕР — решилось будущее России на ближайшие 12 лет: Владимир Путин снова станет президентом как минимум на 6 лет, «догнав и перегнав» Леонида Брежнева, а Дмитрий Медведев будет возглавлять правительство и партию. Выборы в Государственную Думу пройдут в декабре, президентские выборы будут лишь в марте, однако их исход известен уже сегодня. Что-то знакомое — ведь именно так и решались все важнейшие вопросы в Советском Союзе: на съезде партии и без участия граждан.

Очевидно, что наследие СССР можно обнаружить во всех сферах жизни общества — политической, социально-экономической, духовной.

Современная политическая ситуация в России до боли напоминает политику СССР. В первую очередь это относится к неограниченной власти президента. Новая Конституция, которая была принята Б. Ельциным, подразумевала, что институт президентства будет находиться вне трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной. Президент должен быть гарантом прав и свобод граждан, должен представлять Россию на международной арене и выполнять ряд других важнейших функций. Но, к сожалению, президент в России благодаря ряду реформ, осуществленных за последние 10 лет, на сегодняшний день даже законодательно обладает огромным количеством полномочий. Не говоря уже о том, что его власть на практике далеко выходит за рамки закона.

Российская политическая элита сегодня — аналогия советской номенклатуры во главе с генеральным секретарем, срок правления которого ограничен сроком его жизни, а не законом. Такая ситуация была обусловлена отменой выборности губернаторов в 2004 году, продлением сроков правления президента с четырех до шести лет. И политической апатией населения. Гражданское общество в России сегодня — некоторое количество несогласных, меньшинство. Основная масса населения — неподвижные, не заинтересованные в политике люди. И очевидно, что механизмы борьбы с оппозицией современные «властители» позаимствовали именно у своих советских предшественников.

С одной стороны, власть действительно не дает возможности оппозиции возникнуть в этом новом государстве. С другой стороны, на все происходящие события общество России закрывает глаза. Даже те, кто в состоянии анализировать политические события и делать выводы об ошибочности выбранного курса, бездействуют, потому что либо считают себя не в состоянии что-либо изменить, либо просто боятся за свою безопасность. «Впервые за 70 лет наш народ может выбрать, например, любимый сорт пива и любимый сорт колбасы. На сегодняшний день это и есть главный всплеск народного самосознания», — говорит писатель Владимир Сорокин.

Кстати говоря, причины массовой апатии и пассивности тоже небезосновательны: «господа полицейские» обладают безграничным силовым ресурсом — по аналогии с советскими сотрудниками КГБ. Беспредел МВД — это и беспричинно стрелявший по людям майор Евсюков, и беспричинно обвиняемый майор Дымовский. И таких случаев очень много.

Что касается внешней политики, то для многих ностальгирующих мир, как во времена «холодной войны», остается биполярным, Россия противопоставляется США и Западной Европе. Мы не готовы к полноправному сотрудничеству, мы не готовы осознать и принять свои ошибки и постараться позаимствовать позитивный опыт других государств — с помощью идей национализма мы создаем противоречивые «самобытные» концепты вроде «суверенной демократии» и претендуем на роль великой империи. Не это ли и есть наследие Советского Союза?

В экономике России советских элементов также немало. Проводится масса исследований, которые доказывают, что частное предпринимательство в России гибнет, не успев прочно закрепить свои позиции в экономической системе. Государство поддерживает малый и средний бизнес только на словах, каждый год объявляя о каких-нибудь масштабных государственных программах, уже изначально обреченных на провал из-за повсеместной коррупции. На трагичных примерах многих предпринимателей, самым показательным из которых является дело Ходорковского, «кулаков» так и продолжают раскулачивать. В коммунизм верить перестали. Но тайно надеемся, что «мудрый правитель» все-таки отнимет все, что было «награблено в 90-х», и раздаст честным людям.

«Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность», — убежден Владимир Путин. О состоянии и политической и экономической «стабильности» не в лучшем смысле этого слова уже было сказано выше. Что же касается «духовного единства», то очевидно, что современная власть нуждается в идеологическом компоненте легитимности, и такой компонент найден.

В СССР эту роль выполнял «коммунистический оптимизм». После распада Союза с новой силой укрепились позиции религии в России — особенно православия. Думаю, что и эту тенденцию идеологического нажима на население для обоснования власти мы можем отнести к заимствованным у советских предшественников. Православие сегодня выполняет функцию идеологии, которая может сплотить нацию, оно активно поддерживается государством, ни одна масштабная служба сегодня не проходит без трансляции по всем государственным каналам и без присутствия В. Путина, Д. Медведева и их жен.

Недавний инцидент в Москве как будто цитирует писателя Владимира Войновича — религия «доказана современными достижениями науки»

(«Москва 2042»): на территории одного из главных технических вузов России, МИФИ, в марте 2010 года был воздвигнут православный крест, заменивший скульптуру студента — прошлый символ вуза.

Все эти многочисленные «пережитки» мешают России развиваться и становиться полноценным правовым государством, с честными, легитимными выборами, с открытой экономической системой, с развитым бизнесом, образованием, успешной внешней политикой. В то время, когда нужно двигаться в направлении развития истинно демократических связей между государством и обществом, с правительственных трибун звучат лозунги о «самобытности» и уникальности России, ее культуры, истории и населения.

Не стоит использовать старые советские механизмы и идеологемы. Новый дом из гнилых досок не построишь. Только сознательное гражданское общество способно отделаться от утопических заблуждений о «великой державе», «великом русском народе», о «мировой миссии Руси» и прочего. Настоящий патриот должен пожелать России именно этого, а не «мирового господства».

МАТВЕЙ НЕКРАСОВ, Ярославль

Как известно, все в жизни относительно. Чтобы быть объективным, я, как студент-политолог, гражданин России и член семьи, постараюсь рассказать историю одного довольно-таки типичного дня из моей жизни. Сначала немного о том, откуда я пишу и где учусь. Ярославль — столица Верхнего Поволжья, там и располагается Государственный университет имени Павла Демидова, учусь на политологии уже как три года. Наверное, и всё. Дальше — один день из моей жизни.

Подъем и утренний завтрак — это скорее не наследие Советского Союза, а ритм жизни человечества. К нему, кстати сказать, отношение складывается из того, насколько рано или поздно вы встаете. Единственное, на чем хочу заострить внимание, это элемент каждой кухни в домах, построенных по советским типовым проектам, — проводное радио. На нем одна, в лучшем случае несколько радиостанций. Качество вещания оставляет желать лучшего, но самое главное — это то, что оно стало частью нашей жизни. Как известно, люди ко многому привыкают, даже если что-то для человека кажется неприемлемым. Но парадокс в том, что он привыкает и чувствует дискомфорт без этого «эха советского прошлого».

Дорога в университет. Приходится добираться на двух видах транспорта до здания факультета: живу в спальном районе в двадцати минутах езды от Красной площади, которая, наверное, есть в каждом городе (там и находится фа-

культет). Первое, что обращает на себя внимание, хотя для многих это факт и незначительный, это автобусный парк города. Во благо жителей трудятся уже третий десяток лет гордость социалистической промышленности и автомобилестроения — венгерские автобусы «Икарус». Их число уменьшается с той же скоростью, с какой закупаются новые автобусы.

Учеба. Во-первых, мой год поступления оказался одним из последних, унаследовавших советскую систему обучения — специалитет. Нынче Россия движется в направлении западной модели образования, исходя из принципов эффективности или моды — неизвестно, но система бакалавриат — магистратура вызывает много дискуссий и не принимается общественностью однозначно. Во-вторых, наследием Советского Союза является поколение преподавателей, квалификация которых не вызывает сомнений. Их опыт и непосредственно они сами служат для студентов связующей нитью с историей нашего государства.

Обеденный перерыв. У каждого из нас есть выбор: пойти в кафе или столовую? Например, «Макдональдс» — 20 лет назад он появился одновременно и вопреки и благодаря Советскому Союзу. С одной стороны, административно-командная экономика в то время в образе дефицитов и однообразия, а с другой — либеральная политика Михаила Горбачева. Эта система фастфуда прижилась и сегодня, хотя на студенческую стипендию там не разгуляешься. Другой пример — муниципальная столовая, следующая традициям советского меню и кулинарии.

Тренировка. Здоровая молодежь, уважительное отношение к спорту пока что канули в Лету, оставшись на черно-белых снимках соревнований и пыльных листах истории. Я не сгущаю краски, мы по-прежнему спортивная держава, теряя при этом самое ценное звено — «массовый спорт», гордость советских людей. Почему я уделил этому внимание? Занимаясь на турнирах, играя в футбол, баскетбол, осознаешь, что большинство спортивной инфраструктуры — площадки, корты, снаряды и поля — это обветшалые памятники истории.

Вечер в кругу семьи. Не открою Америки, сказав, что по вечерам большая часть россиян включает телевизор для развлечения или поиска новостей. Пока что Интернет не вытеснил своего собрата, но поступь Всемирной паутины можно сравнить с довлеющей мощью Китая в мире. Продолжая советскую традицию, на радость моей сестренке каждый будний день около девяти вечера идет передача «Спокойной ночи, малыши» с ее доброй мелодией и заставкой. Несмотря на свой возраст, передача актуальна и по сей день. Индикатором того, что вы смотрите новые выпуски в современной России, является реклама, уютно пристроившаяся к ним. Степашка, Филя и Хрюша — герои многих поколений малышей, так же как и советские мультфильмы, практически не имеющие себе замены сегодня.

Для чуть более взрослой части аудитории эстафетную палочку Центрального телевидения СССР взял Первый канал с его программой «Время». Как и

30 лет назад, новостной выпуск выходит в девять вечера. Известно, что Первый канал — государственная телекомпания, известно, что существуют разные точки зрения об объективности новостей, но привычка или генетическая память напоминают россиянам о недалеком прошлом телевидения, по сути, с одним каналом, нынче — Первый.

Резюмируя, остановлюсь вот на чем. Когда любой из нас смотрит в зеркало, он видит отражение себя, но, как известно, специфическое: левая рука превращается в правую, правая нога — в левую (так называемая инверсия). Когда же любой из нас становится объектом съемки видеокамеры, появляются некоторые преимущества перед зеркалом: во-первых, в любой момент можно просмотреть запись отснятого, а во-вторых, в отличие от зеркала, мы видим более «объективную картинку». Так, я вам показал один день из своей жизни, который вы можете «пересмотреть», сравнить со своим и быть по-своему объективными.

АНТОН ОСТРОВСКИХ, Краснодар

Пару месяцев блогосфера и СМИ бурлили, обсуждая статью одной девушки, в которой она призналась в своем желании уехать из России. Простые прочувствованные слова емко выразили мнение некоторой части общества. И благодаря этой статье оказалась еще более популяризованной фраза о «синдроме вахтера».

Сейчас достаточно много сказано о неуважении друг к другу, торжестве обладания малейшей крупницей власти. Однако мы все поражены этой болезнью. Корни ее гораздо глубже, чем хотелось бы.

РОССИЯНЕ (именно россияне, а не русские) совсем не улыбаются. Мы идем по улице, опустив глаза, с мыслью, как бы чего ни произошло. Сколько детей слышат с детства про смех без причины? Как часто незнакомый человек просто боится подойти к вам, опасаясь презрительного взгляда? Как часто мы смеемся над дежурными улыбками в США?

Однако эта идея не нова. К призывам улыбаться чаще мы привыкли не прислушиваться — воспринимаем их как предвыборную гонку: пусть себе будет, а результат один. Наиболее лакомым объяснением представляется бедственное экономическое положение людей. Как же, какая улыбка, если надо бороться за выживание? Мое мнение было схожим, однако после нескольких заграничных путешествий оно абсолютно изменилось.

От туристических поездок в Европу у каждого остаются свои впечатления. Кто-то в Чехии может заметить только вкус темного пива Velvet, а кто-то на-

сладится нежными первоцветами в Швеции. Основу рассказов об отдыхе составляют многочисленные описания эффективности транспортной системы, размера порций в ресторанах и кафе или чистоты на улицах. Для меня же откровением стала дружелюбность коренного населения. Приветливые взгляды, пожелания доброго утра от незнакомых людей делают начало любого дня счастьем. И ты, окрыленный, отправляешься на прогулку, на работу, заниматься домашними делами... Как же, воскликнут многие, это все из-за того, что трава на газоне подстрижена, а запах булочек с корицей вызывает в воображении образ уютного дома с вышитой скатертью!

И я очень удивился, столкнувшись с подобным не в Европе или Америке, а в Индии. Прогулка по любой из улиц Дели превращалась во встречу одноклассников. Я чувствовал непосредственное дружелюбие. Любой вопрос к индусу вызывал у него радость и непередаваемое желание помочь. Если он, к его ужасу, не знал, как пройти к Connaught Place, сразу же находил своего более сведущего соотечественника. Велорикши, живущие на улице и проводящие дни в изнурительном труде на сорокаградусной жаре, оказывались превосходными собеседниками, никогда не жалующимися на свою горькую долю. Широко улыбающийся человек, моющийся в большой грязной луже и складывающий руки в своем «намасте»...

Познакомившись со множеством молодых лучистых людей из разных стран, я чувствовал себя очень комфортно в их окружении. И я понял, в чем основное отличие между нами. Все они очень уверены в себе. Уверены без гордости и хвастовства, просто излучают спокойное достоинство. А уверенный в себе человек поступает настолько естественно и непринужденно, что никому не придет в голову, что его улыбка — следствие душевной болезни. Одно из наследий Советского Союза — наша глобальная неуверенность в себе и подверженность оценкам. Многие готовы на любую подлость, лишь бы выглядеть хорошо в глазах окружающих. Как, например, молодой служитель закона может не брать взятки, если это давно стало нормой? Ты не должен выделяться — именно этот принцип из советского прошлого делает тотальной коррупцию и равнодушие. Именно поэтому радость считается постыдной, а хорошее настроение — контрабандой, которую надо скрывать.

Второй неожиданностью в Индии для меня стало отторжение нас соотечественниками. В горах на высоте 2200 м наши голландские друзья, встретив пожилую пару из Нидерландов, кинулись навстречу им и стали жадно разговаривать. В очереди в обменном пункте французы сразу вычисляют друг друга и уходят вместе праздновать встречу далеко от кофеен Монматра. И только русские, слышав родную речь, стараются отвернуться и пройти незамеченными. Сколько пришлось услышать пересудов о себе в популярном магазине сувениров. Единственной разговорчивой соотечественницей оказалась Светлана из... Латвии.

Недавно по пути из торгового центра домой разгорелся спор со знакомым моего возраста о Советском Союзе. Основная его мысль была в том, что наследие советского прошлого закончится, когда умрут все «совки», как он называет всех, кто жил в СССР. Это, несомненно, страшная точка зрения, к тому же неправильная. Сейчас каждый из нас отвечает за смерть своего «совка» внутри себя, ведь политический режим не изменился. Ведь каждый из нас все больше увязает в нашем общем прошлом и настоящем. Главное, чтобы это не стало нашим будущим.

Я не призываю вас улыбаться что есть сил, я же не новомодный писатель псевдопсихологических книжек. Я не жду, что завтра на паспортном контроле мне улыбнутся и спросят о моем новом загаре и желтой панаме. Я просто уверен, что, когда каждый из нас улыбнется себе, поверит в свои силы и прекратит следить за реакцией окружающих на цвет своего галстука, нам с вами станет чуточку комфортнее.

ДАМИР САЛИХОВ, Москва

Я родился в СССР...
Артем Котовский

Не мог не откликнуться на приглашение своего преподавателя — ассистента кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Александры Алексеевны Троицкой — принять участие в конкурсе, не только потому, что эта тема для меня всегда была предметом особого интереса, но и еще по одной причине. Дата и время моего рождения сами по себе заставляют задуматься: 23:55 7 декабря 1991 года. На следующий день были подписаны Беловежские соглашения, Советский Союз прекратил свое существование... Это дает мне повод шутить, что мне довелось прожить в Союзе целых пять минут, но также и осознание того, что я вырос и прожил всю свою сознательную жизнь в новой, суверенной России — свободной России...

Конечно, девяностые годы — это явно не образец демократии, торжества прав человека, но это многочисленные попытки отдельного человека, общества, государства, целой нации построить новую Россию.

Иногда это выливалось и до сих пор выливается в попытки отказаться от советского прошлого, которое многие так хотят именовать «тоталитарным». Конечно, с этим трудно не согласиться, но ни при каких условиях нельзя пытаться увидеть весь мир только в черных или, наоборот, только в белых красках...

СССР — это наша история, это жизнь целых поколений наших родных, близких. И речь здесь отнюдь не о том, что тогда или сейчас было лучше жить, а лишь о том, что все это часть нашей истории и часть нашей сегодняшней жизни. Я осознанно не стал продолжать цитату из стихотворения известного поэта московского андеграунда Артема Котовского — я не хочу давать оценок тому, что произошло на исходе Советского Союза, искать правых и виноватых, да и искать глубинные причины произошедшего, честно говоря, тоже нет особого желания — оставим это историкам... Как говорится, «никогда ни о чем не жалейте вдогонку...» (А. Дементьев).

Гораздо важнее, на мой взгляд, задуматься о том, что мы имеем сегодня: что мы создали за эти двадцать лет, что бережно сохранили, что разрушили, а что просто забыли?

Несомненно, есть многое, что мы разрушили, от чего отказались. Причем что-то было правильно, логично и обоснованно, что-то, наоборот, сегодня вызывает чувство досады. Как любят говорить представители старшего поколения: «Вот было время...» И ведь не всегда это всего лишь воспоминания и печаль об ушедшей молодости.

Но есть и то, от чего мы никогда не откажемся, не сможем отказаться, даже если захотим, и, конечно, есть то, что, будучи отвергнутым нами когда-то, вновь вернется в нашу жизнь уже в ином качестве, как феникс, возродившийся из пепла...

Пожалуй, первое, о чем я не могу не упомянуть, — это образ мыслей. Быть может, на первый взгляд сие словосочетание кажется надуманным, но попробуйте взглянуть внутрь себя, так сказать заняться самоанализом. Наше мышление есть уникальный феномен. Быть может, поэтому нас так трудно понять иностранцам? Мышление каждого из нас, даже самых юных граждан Российской Федерации, несет на себе печать советского прошлого. Это не есть только хорошо или только плохо, это то, что определяет не только наш характер, менталитет, но и весь наш *modus vivendi*. Конечно, на молодом поколении это заметно уже значительно меньше, но уверен, что это крупинка нашего «советского» мышления никогда не изживет себя несмотря ни на что.

Эта черта нашего мышления непосредственно связана с особым патриотизмом, который присущ только нам: мы любим нашу страну не за что-то особое и не потому что, а просто за то, что она дает нам духовную почву...

В этой связи позвольте привести одну цитату, которая запала мне в душу и автором которой является мой Учитель — профессор Сурен Адибекович Авакьян: «Не знаю, как вы, гордитесь или нет, но я думаю, у вас есть все основания гордиться тем, что вы граждане Российской Федерации. И поверьте, что даже если вас судьба куда-то забросит и вы там, может быть, неплохо устроитесь, но если вы гражданин Российской Федерации и особенно русский, вам все равно будут сниться зеленые просторы России и вас будет тянуть в эту

страну, странную немножко, с пьяными, с грязью, с отсутствием веры во все, начиная от правительства и кончая друг другом, вы будете всегда любить эту страну. Это удивительное свойство, которое характерно для граждан нашей страны. Ты знаешь, что тебе здесь будет опять плохо, но тем не менее хочешь приехать обратно домой. Почему? А потому, что не количество метров и не количество еды определяют состояние человека, а его внутренний духовный мир, который определяется тем, что ему есть о чем думать. Понимаете, есть то, чем он дорожит...» (из лекции, прочитанной в Московском университете 1 октября 2010 года).

Возможно, вы в недоумении, почему это, говоря о советском наследии, я начал со столь обширной характеристики нашего мышления. Какое это отношение имеет, так сказать, к делу? По-моему, все просто: мышление как ничто другое дает стимул или, наоборот, тормозит преобразования в экономике, политике, праве... В подтверждение своего тезиса затрону лишь одну проблему, которая ближе мне как будущему юристу. А проблема эта — правовой нигилизм. Да, то, что так ярко подметил профессор Авакьян и что мешает некоторым либеральным реформам реализоваться, быть принятыми обществом. А ведь ни один закон, который существует лишь на бумаге, никогда не сможет служить человеку, обществу...

Но при этом то же самое мышление, если хотите постсоветское, не делает нашего человека даже в условиях капитализма ни эгоцентристом, ни тем более эгоистом. К счастью, для нас очень близки пока понятия «общественный долг», «служение обществу и государству», «взаимовыручка», «самоотверженность». Конечно, столь тяжелое строительство светлого коммунистического будущего оставило после себя лишь обломки и разочарование в несбывшихся надеждах все еще сильно, но у нас есть то, чем мы можем дорожить.

Быть может, режет слух «служение государству»? Конечно, государство создано для человека, а не человек для государства, но, видите ли, простое провозглашение приоритета человека надо всем не является правильным: государство служит человеку, но и человек должен отдать свой долг обществу, государству, в котором он живет, которое его кормит. Поэтому только взаимные обязанности человека и государства приемлемы. Может, поэтому меня так настораживает статья 2 Конституции Российской Федерации, несмотря на ее неоспоримое достоинство. Да, человек — высшая ценность, и, наверное, из-за того самого постсоветского мышления многие этого не осознают, не желают понять, признать, что чиновник, к которому приходит гражданин, всего лишь слуга последнего, а не бог и царь, что закон должен существовать лишь тогда, когда он служит интересам человека, что никто не вправе вмешиваться в частную жизнь человека без его согласия... Да, это наше советское прошлое не дает покоя, как бы напоминая нам о сталинских репрессиях, жизни порой «под собою не чужа страны» (О. Мандельштам), иногда страхе за свое будущее, свою семью...

Умение жить, работать, учиться не только для себя, но и для светлого будущего, ради общей победы — этого у нас не отнять! Может быть, поэтому столь много побед и в спорте, и в науке, и в культуре... Советский Союз мог похвастаться многим! И пусть многое из этого мы потеряли, с нами остается то же стремление к победе, та же воля, то же рвение.

Классическая культура — это особое достижение СССР. До сих пор нигде нет лучше балета, театра, живописи. Может быть, я немного преувеличиваю, но ведь это еще одно подтверждение того патриотизма, который может многое, того патриотизма, который одержал победу над фашизмом, того беззаветного патриотизма, который дает истинное единение многонациональному народу России.

Нравственность, высокая мораль — ведь это тоже советское наследие. Моральный кодекс строителя коммунизма есть не что иное, как переосмысление заповедей всех религий мира.

Толерантность, о которой стали так много в последнее время говорить, родом из СССР. Конечно, национальные конфликты были, хотя о них и не принято было говорить, но именно советское прошлое дало единство национальностей, культур, народов.

Было в Советской России и то, чего так не хватает нам сегодня, — стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Это значит, что люди получали стабильную зарплату и, даже если это были гроши, они точно знали, что смогут себе на них позволить. Сегодня жизнь течет столь стремительно и непредсказуемо, что часто планировать что-то далеко идущее сложно: так, увы, часто молодежь, неуверенная в завтрашнем дне, не желает рожать детей, строить семьи...

Еще одно неоспоримое достоинство советского времени — система социальных гарантий. И это не пустые слова. Студент, получающий стипендию, с трудом, но мог на нее прожить. Сейчас сложно представить, чтобы можно было прожить на 2500 рублей в месяц (стипендия студента-отличника в МГУ). Пенсионное обеспечение, система пособий и льгот — это завоевание советского государства. Конечно, необходимо переводить все это на новые рельсы, но нет никакой необходимости изобретать заново колесо.

В этой связи нельзя не упомянуть и о системе бесплатного образования и медицины. Конечно, качество не всегда отвечало требованиям, но и образование и медицина были доступны каждому. И к счастью, современная Россия хранит это наследие, хотя и здесь еще предстоит сделать многое.

Нельзя не упомянуть и о системе гарантий в сфере труда. Практически все они из советского прошлого: «государство трудящихся» старалось создать хорошие условия для работы. Именно квалифицированные рабочие всегда имели высокие заработки, профессия инженера была очень востребована и ценилась.

Но здесь нельзя не упомянуть о подавлении частной инициативы. Распорядиться своей способностью к труду было возможно лишь в одной форме — форме наемного труда, причем обязательного. Быть может, поэтому даже сегодня в нашей психологии слово «предприниматель» часто несет в себе какой-то негативный оттенок, а это в итоге мешает развитию предпринимательства в России.

Еще одной проблемой, пожалуй ключевой, советского времени была проблема неуважения к правам личности. Конечно, Конституция всегда провозглашала широкий набор прав, но их реализация была в жесткой зависимости от государственных и общественных интересов. Быть может, поэтому сегодня для среднестатистического россиянина поход в суд за защитой своих прав и законных интересов есть не что иное, как стихийное бедствие или как минимум нехороший поступок. Переломить эту психологию, конечно, не просто, но это необходимость для современной России. Последнее же прямо связано с судебной реформой, увеличением авторитета и гарантий независимости суда...

Проблема коррупции хоть и имеет куда более ранние корни, все же получила свое особое развитие в СССР. И сегодня многие, не доверяя законам и вполне правовым процедурам, полагают, что проще, быстрее дать взятку и решить любую проблему.

Говоря об опыте международных отношений, не могу не упомянуть о многочисленных провалах советской дипломатии, «замкнутости в себе». Это и сегодня эхом отзывается в нашей внешней политике, в восприятии России и россиян за рубежом. Наверное, эта же проблема тормозит процессы интеграции в наших отношениях с мировым сообществом. Конечно, сложно столь резко менять вектор внешней политики, поэтому до сих пор здесь не все гладко. Но сегодня развитие этого направления, и прежде всего евроинтеграция, — жизненная необходимость...

Советское наследие: хорошее и плохое, демократическое и антидемократическое, светлое прошлое и темные времена, мощь и разруха — все это наша история, наше прошлое, настоящее и даже будущее. О стольких вещах, о стольких людях можно сказать: «Сделано в СССР». Это не простая декларация. Наша жизнь навсегда связана с советским прошлым хотя бы потому, что наши родители, бабушки и дедушки большую часть своей жизни прожили в Советском Союзе. Это их жизнь, их судьба, а значит, и наша судьба тоже...

Россия сегодня вновь стоит на пути либеральных реформ, которые, несомненно, необходимы каждому из нас, но реформы эти должны проводиться прежде всего не с оглядкой на Запад, Восток и других, а с оглядкой на свою историю, свое прошлое. Это *condition sine qua non* многие, в том числе и некоторые политики, недооценивают, а последствия этого могут быть плачевны.

Но ни при каких условиях нельзя возвращаться к прошлому. Да, это урок истории, это опыт, это пройденный этап. Как говорится, «былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...» (Б. Окуджава).

Однако и отказываться от прошлого мы не имеем никакого права: это наша страна, это наша судьба...

Мы — поколение, рожденное в свободной России. О советском прошлом мы знаем лишь из рассказов, исторических хроник, бесед. Мы не видели того времени, мы не жили там, но это время живет в каждом из нас и постоянно напоминает о себе.

Наш долг — помнить историю, усвоить ее уроки, не делать тех же ошибок, развиваться, храня то лучшее, что привило нам прошлое... Ведь и о себе я могу с уверенностью сказать: сделан в СССР.

ИВАН ЦАВРОВСКИЙ, Екатеринбург

Что осталось? Этим вопросом задается лишь малая часть нынешней молодежи. Действительно, зачем? Мы привыкли, что за нас все решит государство (начальство, олигархи). Нам не надо думать, ведь можно позвонить дяде чиновнику, и он подумает за тебя. А если дяди нет, то вообще какой смысл, так как мировая закулиса (евреи, масоны, США) все давно продумала. Возможно, у нас есть, единое или нет, мнение на происходящие в стране события, но проблема в том, что оно ничего не решает, потому что мы так привыкли. Главное наследие Советского Союза — это уверенность в том, что народ ни на что не влияет, что ведет к тупому безразличию. Какой процент молодых людей, умных, активных, интересующихся политической жизнью страны, ходит на выборы? Очень небольшой. Выборы здесь как верхушка айсберга. Какой смысл хорошо учиться в университете, если ты знаешь, что твоя конкурентоспособность на рынке определяется количеством денег в семье. Зачем идти в армию, ведь твои нормальные друзья или уехали за границу, или откупились. И так можно продолжать бесконечно.

Невозможно охватить все темы, так как, по сути, все, что сейчас происходит, осталось от СССР. Это разруха в производстве, неамортизированное оборудование, плохие дороги, «советское» сознание, боязнь начальства, преступность как норма жизни, люмпены, или просто быдло, расслоение общества на богатых и бедных, отсутствие культуры, уважения к учителям и т.д. Все это так или иначе связано с политикой, проводимой государством. Говоря о наследии, нельзя не затронуть политику.

По Конституции вся власть в СССР принадлежала народу. В России носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многона-

циональный народ. Мало кто из нас, родившихся уже в России, прочитав эти важные для государства основы, снисходительно не ухмыльнется. На мой взгляд, это симптоматично как для СССР, так и сейчас — мы хотим верить в лучшее будущее, в некий идеализм, но мало что можем (Советский Союз) или хотим (Россия) изменить.

Прежде чем писать эссе, я задумался над тем, что вкладывается в понятие «наследие СССР». Для меня это в первую очередь проблемы 20-летней выдержки. Многие спорят о том, что дал развал Советского Союза — больше положительного или отрицательного. В 90-е произошла революция, и это отдельный вопрос. При этом мало говорится о том, что действительно важно: почему спустя некоторое время вернулся авторитаризм, уже в новом виде, прикрывающийся иллюзией политической конкуренции. В середине 2000-х работников бюджетной сферы под роспись заставляли голосовать за определенную партию. Где-то грозили увольнением, где-то давали немного денег, а затем звонили, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Как раз на это время пришелся период взросления тех, кто родился в конце 80-х — начале 90-х. Тогда я делал такие выводы — все покупается, независимых (даже ментально) людей в России ограниченное количество, а свобода мнения, выбора для них — это только в телевизоре, к тому же зачем свобода, если государство дает возможность иметь тот же телевизор и надо быть благодарным за это. Сегодня, на мой взгляд, ситуация не настолько печальная. Появляются различные общественные советы, поддерживается малый бизнес (хотя его доля в ВВП по-прежнему не больше 20%). Но часто эти положительные инициативы теряются на общем фоне негативных настроений. Зачем начинать свое дело, если ты видишь, как крупнейшие бизнесмены вынуждены бежать из страны только потому, что человек в погонах решил немного подзаработать, если странным образом родственники или друзья чиновника получают все строительные подряды в городе?

Мы также знаем, как борется нынешняя система с теми, кто посягает на государственную власть. Можно ли считать наследием СССР то, что человек, чья виновность не доказана, сидит в тюрьме только потому, что это было выгодно определенному чиновнику? Прямолинейное сравнение: в Советском Союзе людей, которые стали по той или иной причине неуютны, расстреливали, отправляли в ссылку по приказу Сталина (отдельная тема, почему образ Сталина все еще преподносится в героическом свете). Сегодня методы стали более цивилизованными и завуалированными. Однако все мы осознаем, что власть вполне может пренебречь истинным значением слов «честность» и «работа на благо людей», ведь можно вполне легально и не боясь «зарабатывать» миллиарды, сохраняя неприкосновенность. Мы по-прежнему имеем группу (группировку) людей, решающих все между собой за всех, мы по-прежнему имеем полицию, для которой выполнение плана перед начальством является

основным занятием, и мы по-прежнему, выпивая на кухне, говорим: «Это же Россия...»

Я часто слышу, что наивно рассуждать о честности чиновников в России, о независимом суде, о возможности выбора. В чем причина этого? Мы считаем, что это нормально, ведь всегда так было. Неважно, прав царь или нет, главное, что все его поступки и поступки его приближенных нормальны, ведь он же царь. Будет другой, и коррупция станет чем-то ужасным и преступным. Будет третий, и все вернется обратно и т.д.

Возьмем наиболее обсуждаемую — внешнегосударственную — область споров в России. Пример неоднозначный, но, на мой взгляд, интересный. США. Больная тема как для тех, кто живет мечтой там жить, так и для тех, кто видит все проблемы именно там. Убежденные патриоты говорят о вселенском зле этой страны, убежденные либералы — о вселенском добре. В Советском Союзе всегда было принято ненавидеть США. Причины понятны — гонка вооружений, холодная война, борьба сверхдержав. Людям рассказывали, как ужасно там жить, как каждый день простой рабочий народ умирает на улицах Нью-Йорка, работая на капиталистическую машину. Сегодня достаточно посмотреть телевизор, чтобы увидеть иную форму давления: повсюду американские агенты, которые хотят разрушить нашу великую страну. Форма изменилась, содержание — нет: только мы (руководство страны) знаем правду, а если нас не будет, то страна рухнет. Нам внушают, что критикующие власть хотят уничтожить целостность страны. Действительно, предложение разобраться, откуда у чиновника с зарплатой в несколько миллионов в год есть недвижимость на несколько миллиардов, уничтожает целостность в их понимании (очевидно, что эту недвижимость купил хитрый еврей или, для разнообразия, узбек, чтобы подставить представителя элиты).

Мы уникальный народ — никто так не любит конспирологию и ни у кого больше нет такого богатого воображения. О США, их экономике, заслугах и падениях можно долго дискутировать, важно другое — мы, как раньше, так и сейчас, критикуем кого угодно, только не себя. С чиновниками все понятно, они делают это осознанно, следуя своим интересам. Есть и оппозиция, цели которой могут выражаться в личной наживе. Но какие интересы преследует народ, унижающий другие нации только за определенную расовую принадлежность? Я могу говорить лишь о том, что вижу сам: мне часто приходится слышать, как русские (советские) люди оскорбляют африканцев за цвет их кожи, не говоря уже об афроамериканцах. Как, не скрывая, ненавидят евреев. Свою недалекость и глупость эти люди даже не пытаются скрывать, а наоборот, гордятся этим с экранов телевизоров или в Интернете. В Советском Союзе народ верил (должен был) в эти сказки, но откуда у нынешней молодежи, родившейся уже в России, эта пыль в голове? Неприятно также то, что теперь это модно и называется «патриотизм» (и большинство из этих «патриотов» от-

купились от армии). Вообще, говоря о наследии СССР, мы рассуждаем именно о власти. Но, может быть, дело в нас самих, считающих, что для России нужна особенная правоохранительная система, особенная политика, особенный суд, особенный путь в никуда?

Простой пример. Все знают, что учитель в России получает зарплату, а потом и пенсию чуть больше уборщицы. К какому уважению к стране мы сами себя призываем? Это дает еще больший стимул или уехать, или осуществлять незаконную деятельность, или принимать наркотики, или, как обычно, остаться безразличным. Про Америку говорят — это страна сплошных возможностей. С этим можно поспорить. В любом случае про Россию можно сказать, что это страна сплошных стимулов.

Еще одним важным и, безусловно, отрицательным наследием является отсутствие культуры ведения бизнеса. Кто сегодня в общественном сознании бизнесмены? Это воры, только и жаждущие обмануть и собрать побольше денег. И что действительно скверно — во многих случаях так оно и есть, для «идеального» примера достаточно назвать три буквы — ЖКХ. Такого понятия, как честный, цивилизованный бизнес, вообще не существует, к тому же 90-е годы надолго дискредитировали «лицо» предпринимателя. В моем понимании олигархи 90-х не могут называться предпринимателями. Получается некая игра, в которой власть относится к бизнесменам заведомо как к ворами, а «бизнесмены» всеми силами пытаются этому соответствовать. Выигравших нет, зато есть проигравшие — рабочие, пенсионеры, учителя, обычные служащие.

В рыночной экономике предприниматели являются важнейшей опорой государства, создают большинство рабочих мест, обеспечивают экономику налогами. Возникает ощущение, что российская власть интерпретирует это так же по-своему, как и Конституцию (источником власти является многонациональный народ).

Сегодня мы имеем ситуацию, когда большинство людей аполитичны. Власть внушает одно, оппозиция — обратное, аргументы обеих сторон равно неубедительны, и эта игра интересна только им. Поэтому люди, сообщества, которые предлагают и делают что-то реальное и осязаемое, собирают вокруг себя много сторонников. Например, объединения автовладельцев, борьба с коррупцией. Но отстаивание своих гражданских прав не должно заменять политическую конкуренцию. Основное наследие Советского Союза — отсутствие политической культуры, бизнес-культуры и, что, на мой взгляд, самое главное, отсутствие «культуры гражданина». За 20 лет не выработались ясные представления о том, что нормально, а что нет. Назвать Россию цивилизованной страной можно с трудом. Мы обвиняем во всех бедах государство, но стоит сесть за руль автомобиля, постоять в очередях в больницах, и возникает вопрос — может быть, это особенный (как и всё в России) образ жизни, когда враг — это не только американец или китаец, но и человек, стоящий рядом в очереди?

Я ВЫРОС В СВОБОДНОЙ РОССИИ?

ДЕНИС АНЦИФЕРОВ, Омск

Вопросом этим задавался, наверное, практически каждый представитель моего поколения. И, конечно же, в подавляющем большинстве случаев ответом было короткое «да». Но мне почему-то кажется, что в 90-е свободы было слишком уж много.

Объясню свою позицию. Само понятие свободы не существует вне рамок человеческой деятельности. Невозможно в дикой природе встретить проявлений в чистом виде свобод или несвобод. Самого человека также нельзя назвать свободным или несвободным. Да, существуют правила, ограничивающие его деятельность, но спросите себя, что, кроме страха возможного наказания, мешает ему переступить через них?

Так где же прячется эта неуловимая свобода? Неужели ее не существует вовсе и мы лишь выдумали ее, чтобы было проще жить? Нет и еще раз нет. Свобода есть. И живет она в нашей голове.

Действительно, единственное, что может быть свободно или несвободно в этом мире, — это разум. В то время как одни самостоятельно загоняют себя в рамки условностей и стереотипов, другие чувствуют себя привольно в любой ситуации, в любой обстановке и даже в месте так называемого лишения свободы.

Нельзя однозначно утверждать, что свобода — это хорошо, а несвобода — плохо, ввиду относительности этих понятий. Здесь, как и в любой сфере объективной реальности, важен баланс двух составляющих.

Но что может произойти, если вдруг в целой стране переключатели в головах людей перейдут в положение «полная свобода»? Что ждет страну, где не останется ничего незыблемого и все станет дозволено? И будет ли на самом деле свободен народ, получивший так много свободы? И был ли свободен я сам, будучи ребенком? В этом эссе я сделаю попытку ответить на эти вопросы.

Безусловно, после развала Союза мы были вольны говорить все, что мы думаем о ком бы то ни было и о чем бы то ни было. Не слишком заметный плюс в возрасте от года до 10 лет, но тем не менее. Мы были вольны не чувствовать себя винтиками системы. Вольны понимать, что наше будущее теперь исключительно в наших руках, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы были вольны жить так, как сами того хотим.

С другой же стороны, наиболее предприимчивые люди в это время могли свободно организовать свой бизнес, заработать кучу денег, власть, авторитет и, по немислимому стечению обстоятельств, взорваться в собственной машине, полу-

чить шальную пулю или пропасть без вести. Все мы прекрасно знаем, с чем ассоциируются у многих шальные 90-е. Стрелки, братва, крышевание, беспредел. И это отнюдь не выдумка телевизионщиков, желавших срубить побольше денег на какой-нибудь «Бригаде» или «Бумере», а объективная на тот момент реальность.

Если посильнее напрячь свою детскую память, то можно и самим вспомнить этих грузных дядек с суровыми лицами, которые, правда, ходили в основном не в малиновых пиджаках, а в банальных кожанках. Именно они были хозяевами жизни в то время, а лучше сказать в безвременье. И именно с ними приходилось контактировать обычным людям, чтобы получить нормальную работу или какой-нибудь дефицит.

Вообще, несмотря на парадоксальность 90-х, когда предприимчивый человек вчера засыпал бедняком, сегодня просыпался богачом, а завтра мог «проснуться» мертвым, для рядового постсоветского гражданина это было время больших свобод и малых возможностей, когда ты можешь делать все, что хочешь, но в пределах отмеренной тебе большими дядями территории. А территории, несмотря на размеры нашей Родины, почему-то на всех не хватало.

Россию моего детства можно сравнить с американским Диким Западом. Только без ковбойской романтики, индейцев и не слишком заметной в этом беспределе роли шерифов. Странно, что наше правительство считает, будто авторитет правоохранительных органов был дискредитирован еще при советской власти. По моему скромному мнению, наша милиция/полиция лишилась его именно в 90-е годы.

Если задуматься, то, наверное, перестроечное время было дано нашей стране, чтобы народ понял, чего он лишился с падением Союза. Но одновременно с этим столь продолжительная стрессовая обстановка позволила людям быстрее адаптироваться к новой жизни. Кто-то поднялся, кто-то упал на дно, кого-то не стало, но большинство людей удержалось на плаву. До современной демократической России дошли те, кто смог пережить период неконтролируемой свободы. И хоть сегодня и нельзя, как раньше, ракетой взлететь к вершинам богатства, славы и власти, но, вскарабкавшись туда непосильным трудом, можно не бояться быть скинутым легким движением пистолетного курка или скрипом перерезанных тормозов.

Так вырос ли я в свободной России? Безусловно. Но эту мнимую свободу вчерашней России я легко бы променял на надежность России сегодняшней. Ведь, несмотря на многие спорные решения, я надеюсь, что моя страна будет двигаться в правильном направлении. Но еще больше я надеюсь на то, что через многие годы мои дети, отвечая на вопрос, выросли ли они в свободной стране, без какого-либо принуждения, не задумываясь, ответят «да».

И еще я надеюсь, что все плохое, что осталось в 90-х, навсегда останется там, а наше и последующие поколения запомнят этот период как новую и, возможно, одну из самых значимых страниц в истории нашей страны.

ЕКАТЕРИНА ВОЛОСОМОЕВА, Ростов-на-Дону

Свобода — это то, что я сам
сделал из того, что сделали из меня.
Сартр

— Что такое свобода? — Серега чешет затылок и на мгновение задумывается. — Это отсутствие рамок, понимаешь? Это возможность делать все, что взбредет в голову, не думая о последствиях. Как в кино. Поэтому Триера я люблю больше, чем Альмодовара, — Серега затягивается сигаретой и выдыхает на меня клубы дыма. — Понимаешь, у Триера свободы больше. Гора-а-здо больше.

Он разливает по стаканам кипяток, пока я пытаюсь найти логическую связь между его тезисом о свободе и двумя режиссерами.

Серега почти рафинированный интеллигент. В свои двадцать с небольшим читает Акутагаву, Маркеса и Кафку, смотрит Джармуша, Тарковского и раннего Аллена. Атеист — не верит ни в Бога, ни в политические утопии, ни в семейные ценности. У него есть высшее образование и нет работы. Зато он везде и всегда свой. Художник. Этим и промышляет.

— Вот я свободный художник. Это звучит гордо. Понимаешь? — не унимается Серега. — Я свободный человек. И ты. И мы все. Мы родились в такое время. Свобода у нас в крови.

Мы сидим в грязной кухне, с отваливающейся штукатуркой, за столом, на котором нет ничего, кроме растворимого кофе, сигарет и дешевого портвейна. В магнитофоне орет затертый диск Цоя. Говорим о кино, авторских метафорах, манифестах в искусстве и свободе. Свободные дети свободной страны.

Мы с Серегой почти ровесники. Когда нам было полгода, рухнул Союз, а мы даже не заметили. Учились ходить и говорить, как любые нормальные полугодовалые дети. Пока родители холили нас в условиях дичайшего дефицита, мы росли, играли с друзьями во дворе, ели бабушкино варенье и пили газировку из автомата. Самым страшным горем для нас было лишиться просмотра видика из-за плохого поведения. У каждого нынешнего двадцатилетнего где-то в закромах памяти найдутся истории про то, как родители отдавали долги, неделями сидели на гречке и боялись увидеть «Лебединое озеро» вместо выпуска новостей. А мы всё росли и росли, чувствуя себя абсолютно свободными.

Это потом уже мы вдруг поняли, что наша свобода — это свобода беззаботного детства, не обремененного опытом и здравым смыслом. А когда повзрослели — почувствовали: после развала Союза людям дали желанную свободу,

только пользоваться ею не научили. Свобода слова вроде бы есть, а говорить никто не хочет по старой памяти. Мало ли что. Чьи родители не повторяли как мантру: «Помни, в какой стране живешь»? Рубили-рубали окно в свободу, а оказалось, что только проковыряли форточку, которую в любой момент могут захлопнуть. Традиционное русское «хотели как лучше»...

Я помню, как родители не хотели, чтобы я поступала на журфак. Понимали, что их дочь, с обостренным чувством справедливости, захочет писать правду. А свобода слова в нашей стране практически синонимична словосочетанию «пуля в лоб». И когда я, поступив, вдруг поняла и смирилась с тем, что никакой свободы слова у нас никогда не было, нет и, скорее всего, не будет, возрадовались! Значит, останусь жива. И на том спасибо.

После журфака мне стало противно многое, особенно журналистика. Пресса, в которой восхваляют учредителей. И телевидение, на котором показывают идиотские передачи для исцеления себя посредством арбузных корок. Все, что угодно, лишь бы не говорить о том, что реально происходит в стране. Кажется, в одной из передач на Первом канале искали кристально честного человека, подвергая кандидатов испытаниям на детекторе лжи. Если они такового нашли, не могли бы его сделать ведущим программы «Время»? По чесноку, без лжи?

Вообще, когда тебе двадцать лет и ты все понимаешь, твоя политическая независимость граничит с равнодушием. Социальные сети под колпаком Генпрокуратуры? Ну и что! Буду писать, что хочу. За губернатора на выборах проголосовало 100% избирателей? С кем не бывает, на выборы я все равно не хожу, и на политику мне плевать.

Живу ли я в свободной стране? Вряд ли. Свободна ли я сама? Возможно.

Пока у меня остался выбор, куда идти учиться, где работать, с кем создавать семью. Слава Богу, мы живем не в «дивном мире» Хаксли. Пока. Да, наш мир напоминает кафкианский Замок, но надежда на спасение все же есть. По крайней мере, у двадцатилетних. У всего есть предел. И у нашего политического равнодушия в том числе.

Союз никуда не делся. Он с нами, он в нас. Мы поменяли одну иллюзию свободы на другую. Мы все так же голосуем за Партию. Все так же заискиваем перед чиновниками, даже если чиновник — кассирша на вокзале. Мы все так же идем за вождем. «Вперед, Россия!»

Свободный художник Серега отхлебывает чай и говорит, что уже полгода ищет работу по специальности. Ему нужны деньги. А работы все нет. Зато есть выбор, как у любого свободного человека в нашей стране, — либо пойти работать в «Макдональдс», либо в армию по контракту. Деньги выйдут почти одинаковые. Серега затягивается сигаретой и включает Цоя погромче.

ЭМИЛИЯ ДЕМЕНЦОВА, Москва

С раннего детства я слышала от бабушки такую фразу: «Ты счастливая, ты будешь свободной» — или: «Ты счастливая, ты будешь жить в свободной стране». Помню, как однажды утром мы пошли с бабушкой погулять. Кое-где у тротуара стояли танки. Я испугалась, а бабушка сказала: «Не бойся, это самые добрые в мире танки» — и заплакала. Это было 21 августа.

Я быстро выросла (росла среди взрослых, умных, интеллигентных людей), со мной никогда не сюсюкали, обращались как с равной, объясняя мне значение незнакомых слов.

Помню, как буквально бежали к телевизору на программу «Взгляд», «Вести», какие-то дискуссии, «Куклы»... Было интересно жить.

Как оказалось, можно вслух говорить все, что ты думаешь, писать и публиковать собственное мнение... Время кухонь и навязшей на зубах фразы «это не по телефону», казалось, ушло навсегда.

Когда распался Советский Союз, дома была растерянность. Всех волновала судьба Крыма. И тут к моему деду — ординарному профессору — приехал с Украины «соискатель докторской степени». Теперь он вел себя как самый настоящий иностранец у иностранного оппонента. Однако для бабушки как будто ничего не изменилось, и она в конце визита спросила: «А Крым, Севастополь — это как? Украина?» — «Безусловно», — ответил он. Почему-то тогда она говорила о чьей-то глупости, граничащей с преступлением (потом, конечно, я узнала чьей), о совести и справедливости, но...

Конечно, были трудности, и немалые, но все компенсировалось свободным дыханием и надеждой.

Помню, мы жили на даче. И вдруг утром в воскресенье, в прекрасную погоду мы собираемся и едем в Москву. В это время электрички шли полупустые, а на сей раз свободных мест почти не было. Люди ехали на выборы. Люди ехали выбирать, потому что им рассказывали, объясняли, до них доносили, что, как, когда, зачем будет сделано, какая от всего этого польза для каждого человека. Были программы кандидатов, были споры между ними, была правда в самом прямом эфире.

Все ли было гладко? Конечно, нет. Раздражал много мелькавший Березовский с его отрицательным обаянием, Таня с Валей, «крепкое рукопожатие» и «работа с документами», но жизнь кипела, бежала, многое было внове, интересно. Почем зря ругали Б. Ельцина, но счастливы были, когда операция на сердце прошла успешно, а потом снова ругали... Его прощальное обращение к народу — незабываемо. Президент просил прощения!!! Такое и представить себе невозможно, но это было, я это слышала, и я скорбела по поводу его кончины, кончины большого человека с большим сердцем, широкого, умного,

умеющего слушать и слышать. Может быть, вспыльчивого, но незлобивого, не мстительного, тем более мелочно мстительного. Ведь ему досталось ох какое тяжелое время. Лиха было много, то есть бед и несчастий. А он выстоял, хотя нефть, как говорил Е. Гайдар, стоила 8 долларов.

И не надо сегодня искать иной смысл в словосочетании «лихое время». И еще криво улыбаться. Загляните в словарь С.И. Ожегова...

Кстати, моя бабушка по сей день твердит, что страна (СССР) погибла не от дешевой нефти, а от лжи. Тревожно, но ложь снова становится, стала атрибутом повседневной жизни.

Помнится после ареста М. Ходорковского В. Путин говорил, что знает людей из Байкалфинансгруп, а через какое-то время даже не мог вспомнить правильное название. Меня это удивило, а потом я перестала удивляться. Осталось недоумение. А потом взрывы домов, Дубровка, Беслан, метро, аэропорт — и ни слова от президента. Правда, был в Беслане несколько часов ночью...

Я иногда задаюсь вопросом: откуда столько свободного времени у американских президентов? Откуда потребность обращаться к своим избирателям, быть вместе в горе, почему я знаю про дочерей Джорджа Буша и ни разу не видела детей двух наших президентов?

По-моему, нас не уважают и не принимают в расчет. Иначе не объяснить лексику отдельных высказываний.

Нас не уважают и не видят, потому что иначе невозможно объяснить неверие в нашу способность самим, самостоятельно обустраивать свою жизнь.

Нас не уважают, о нас не помнят, иначе бы не окружали таким кольцом ОМОНа, когда есть естественное желание высказать собственные мысли о нашей жизни.

Нас не уважают, мы лишние, иначе нам бы сказали, какую программу нам предлагают, что для этого будет сделано, что надо перетерпеть, чтобы завтра было лучше.

Нас не уважают, мы мешаем, иначе почему стерли все цвета радуги и нам оставили только один. Серый.

Нас не уважают, мы быдло, иначе нам бы объяснили, почему, например, сегодня М. Прохорова назначили, а потом выгнали не только из его партии, но и из комиссии по модернизации. Это политика или спецоперация?

Нас не уважают, нас очень много, иначе бы нам не лгали, что инфляция 6–7%. Надо потрудиться просто зайти в магазин.

Нас не уважают, да мы просто население, подданные, иначе бы фактически не отменили выборы.

Знаете, наверное, нам все можно пережить! Разве нас мало убивали, ссылали, гнобили, терзали, но... За державу обидно, стыдно. Смеются же, дивятся. Ну как можно, чтобы из 140 миллионов лишь два человека решали вопрос,

кому из них быть президентом отныне и навсегда. И не постеснялись — реши-ли. И батюшка благословил. Значит, дело сделано, и на избирательные участ-ки ходить не надо?

Дышать, конечно, стало труднее. Воздуха не хватает, когда все глубже по-гружаешься в болото. Но надо выныривать, вдыхать поглубже и жить, потому что другой жизни и другой страны у меня нет.

ЯНИНА ЗАЕВА, Красноярск

В пять я мечтала командовать Российской армией и принимать парад на Красной пло-щади. В двадцать один это выглядит несбы-точным вследствие абсурдности идеи, нали-чия иных приоритетов и видения политичес-кой действительности...

Приступая к написанию эссе, первый, о ком я подумала, — учитель исто-рии, в самом начале 2000-х восхищавшийся укрупнением и возможностью участия в выборах исключительно политических партий, последующим иск-лючением графы «против всех».

Также вспоминаю детский восторг от телевизионной картинке президент-ских выборов 2000 года, когда специально подготовленные дяденьки и тетень-ки признавались в любви и призывали оказать доверие, проголосовав «за». Еще были заявления империалистического характера, после которых я начи-нала гордиться собственной страной. Ведь и НАТО мы «построим», и всех ос-тальных поставим на колени...

Я была в том возрасте, когда ребенок не акцентирует внимание на подобных событиях, но количество листовок, телепередач и восхищавшихся было так вели-ко (политтехнологи сработали великолепно), что это навсегда врезалось в память.

Следующим событием, которое она воспроизвела, стал Беслан. Отлично помню несколько дней, в течение которых вся школа говорила только об этом и на переменах мы буквально «прилипали» к экрану, помню дрожь, бежавшую по телу после кадров освобождения, точнее вида окровавленных тел.

После случившегося последовало странное заявление о строительстве и укреплении какой-то вертикали власти, замене прямых губернаторских выбо-ров наделянием полномочиями...

В детстве я любила всех: родителей, родственников, друзей, попугая Веру... Все казались добрыми и справедливыми. Даже испытывала симпатию к дяде

Вове из телевизора, который, казалось, нас защищал. Позже пришло осознание, что большая часть угроз вымышлена или порождена самой властью.

Властная вертикаль реформировалась и путем «совершенствования» так называемого антиэкстремистского законодательства, но уже под предлогом националистических угроз.

В информационно-политическом плане мое 17-летие ознаменовалось тем, что с первых полос газет не сходили заголовки об очередном разоблачении нацистской группировки.

Единственным положительным результатом стало исчезновение из сети Интернет видеозаписей расправ над мигрантами, но этот процесс никак не повлиял на главную цель изменений. Возможно, потому, что преследовалась иная цель — создание механизма уголовного преследования человека за несогласие с властным видением государственного развития.

Ни в одном либерально-демократическом государстве мира (если мы все-таки стремимся к этому, а не к светлому авторитарному будущему) законодатель не выделяет подобные деяния в качестве самостоятельных составов преступления. Да, существует мотив идеологической, расовой, национальной или иной ненависти, но именно мотив, ставший в российском праве самостоятельным составом, сформулированным так, что к ответственности можно привлечь кого угодно.

Будучи слушателем очередного антиэкстремистского круглого стола с участием представителей правоохранительных органов и администрации города, была удивлена энтузиазму, с которым подавалась информация. Ни у кого из присутствующих не вызвал возмущения обвинительный приговор в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев (условно) за распространение листовок с текстом «Убей в себе раба» или объявление правозащитников «врагами России» и последующая «пробежка» по их портретам, не повлекшие никаких негативных последствий для организаторов.

Реализация конституционных прав воспринимается властными элитами как угроза безопасности страны, а не как право граждан и обязанность государства.

Для меня свободная Россия существует лишь в качестве мысленного образа, гарантирующего фактическое и правоприменительное равенство, исключая ситуацию оправдания Конституционным Судом назначения глав субъектов термином «наделение полномочиями».

В этой России население не стоит перед выбором: голосовать за какую угодно партию или испортить бюллетень, надеясь, но не веря, что таких, как они, 40% и результаты будут признаны недействительными. Участие в оппозиционных политических мероприятиях воспринимается адекватно и не грозит стать пропуском в специальные списки государственных органов, вузов и школ.

Реальность пишет другую картину действительности. Выбор конкретного направления деятельности предопределен политически, теми событиями, которые сейчас развиваются. Избрать что-то идущее вразрез с псевдоидеологией государства — поставить на себе как на специалисте крест.

Избрав для себя позицию нейтралитета, я не могу осудить ровесников, шагающих дружно в ряд, поскольку это основной социальный лифт для самореализации.

Наверное, мы приспособленцы. Основная масса населения боится что-то менять в страхе, что будет еще хуже.

Хотя не все так плохо. Знакомые, живущие в Восточной Украине, восхищаются «российской политической стабильностью». Не берусь судить об эффективности политической системы этой страны, но средняя заработная плата россиян, равная 15 тысячам рублей, и молчание как условие стабильности этого не стоят.

Постсоветское настоящее определяется методом принуждения и наступлением негативных последствий в случае неповиновения, убеждение сведено к предвыборной агитации.

Конечно, свободы будет столько, сколько ее возьмешь. Но каким образом, если государственный механизм становится препятствием для установления баланса между интересами публичной власти и личности? Последняя выступает приоритетным объектом правовой охраны, второе и третье места отводятся обществу и государству соответственно, но практика применения вырабатывает противоположную схему: государство — общество — личность.

Процесс становления политического режима, окончательное оформление формы государства занимает длительный временной период, наверняка рано говорить о настоящем как свершившемся факте, для изменения которого нужен государственный переворот. Авторитаризм — переходная форма, сменяемая демократическим или тоталитарным режимом, но если под свободным государством понимать собирательный образ либерально-демократических режимов с набором декларированных и гарантированно реализуемых общепризнанных прав и свобод, то вектор развития с его управляемо-суверенной демократией направлен явно не в эту сторону.

Вышеизложенное — мое субъективное видение российской действительности, сформированное профессией, работой, литературой, музыкой, чужим мнением, приведшее к ощущению отсутствия альтернативных путей развития и невозможности что-то изменить.

К сожалению, я не могу сказать, что выросла в свободной России. Более того, не знаю, в какой стране вырастут мои дети. Это касается не только свойства свобода/несвобода, но и географического положения — Россия данной страной может и не быть.

АЛЕКСАНДР ЗВЕРЕВ, Санкт-Петербург

Я родился в 1989 году — сложное и переломное для России время. Тогда на карте мира, раскинувшись на одной шестой части земного шара, еще значился Союз Советских Социалистических Республик. Но это было время заката могучего государства — империя Советов трещала по швам административно-территориального деления.

В самой России чувствовалась напряженность, вызванная экономическими, политическими и иными причинами. Все одновременно ждали и боялись кардинальных изменений. Перемены не заставили себя долго ждать. В 1991-м на политической арене появилось новое независимое государство — Российская Федерация.

Настали новые времена. Кто-то называет их «лихими», намекая на разгул криминала и нелегитимные итоги приватизации, перераспределение капитала. Кто-то с пиететом вспоминает первое десятилетие новой России, называя его «временем надежд», попыткой построить свободное демократическое государство и сильное гражданское общество.

Для меня же это просто детство, не больше, но и не меньше. Так случилось, что, родившись в одной стране, в славном городе-герое Ленинграде, я выросл уже совсем в другом государстве, да и город мой назывался уже иначе. Мне незнакомы километровые очереди за товарами первой необходимости и пустые прилавки. Ярким воспоминанием из детства был магазин игрушек на Невском проспекте, который просто ломился от всевозможных машинок, конструкторов, трансформеров и Барби с Кенами. Правда, по рассказам родителей я знаю, что купить что-нибудь в начале 90-х было не так легко, как сейчас, поскольку цены были кусачие и росли как на дрожжах, а вот зарплаты оставались прежними, да и выплачивались нерегулярно. Впрочем, как это ни печально, такое положение дел было вполне закономерно. Коллапс политической системы всегда негативно отражается на благосостоянии большинства граждан.

Несмотря на все трудности переходного периода, в стране произошли серьезные сдвиги: появились новые политические институты, стал развиваться парламентаризм. Миллионы людей по всей стране объединялись в политические партии с целью защиты и продвижения своих интересов через зарождавшиеся демократические институты. Сейчас трудно себе представить, что люди с таким упорством боролись за свои права. Помню, как по телевизору показывали различные митинги, манифестации; наиболее запомнились выступления шахтеров, которые то перекрывали дороги, то стучали касками по Горбатовому мосту, требуя выплаты заработной платы и ответственной политики в сфере добычи угля. И надо сказать, небезуспешно. А какие баталии разворачивались в Государственной Думе, которая тогда была не только местом

для дискуссий, но и местом для политических шоу (один депутат Марычев чего стоил) и даже драк! В порыве политической борьбы парламентарии рвали волосы на себе и на своих коллегах. По телевидению кроме латиноамериканских сериалов показывали множество политических передач, где выступали политики самых разных взглядов, от Ельцина с Черномырдиным до Ампилова с Баркашовым. А сколько шума было вокруг первой чеченской кампании, когда журналисты НТВ в открытую критиковали федеральные власти во главе с президентом за развязывание боевых действий на Кавказе. Много было того, что сейчас называют черными PR-технологиями. Яркими примерами служат скандал вокруг «коробки из-под ксерокса» во время предвыборной кампании Ельцина 1996 года или же «войны олигархов», когда подконтрольные им СМИ опубликовывали компромат на оппонентов. Можно по-разному относиться к вышеописанным событиям, но они показывают, что в 90-е существовала политическая конкуренция между различными группами и шла ожесточенная битва за власть и за возможность донести до власти предрержавших свои интересы, свой альтернативный вариант политики.

То, с чем столкнулись Россия и россияне на стыке XX и XXI веков, на языке науки называется демократическим транзитом. СССР, а затем и Россию накрыла третья волна демократизации. Страна медленно, но верно начала двигаться по пути от авторитаризма к демократии, одним из отличительных признаков которой являются права и свободы граждан. Первый этап демократического перехода — либерализация — приходится еще на советский период, когда государство даровало обществу часть экономических и социальных прав и свобод. Мое же детство началось в свободной стране, где общество добилось для себя еще и определенных политических прав. Это был второй этап трансформации государства.

Все это происходило на моих глазах. Я рос вместе со своей страной. В год, когда я пошел в первый класс, страна погрузилась в предвыборную борьбу за пост президента новой России. А через два года пришел август 98-го: в стране случился жесткий экономический кризис.

С началом нового тысячелетия страна сильно изменилась. На фоне растущего благосостояния люди стали терять полученные в рамках демократизации свободы. Новый век ознаменовался централизацией и усилением роли государства: «построением вертикали власти» — так называли эту политику первые лица государства. Закончился второй этап демократического перехода. Итоги демократизации оказались не такими, какими их представляли себе люди в самом начале 90-х годов. Демократические институты, появившиеся за первое десятилетие, не стали лекарством от всех социальных проблем. Общество выбрало для себя другую модель управления. Государство своей сильной рукой начало наводить порядок, который, к сожалению, далеко не всегда соответствовал интересам и чаяниям общества.

Трудно сказать, вырос ли я в свободной стране. Мир, который создавали для меня родители и близкие, был свободным. Свобода и ответственность были двумя взаимодополняющими ценностями, без которых невозможно сформировать цельную и креативную личность. Государство и общество, безусловно, накладывают серьезные ограничения на действия людей, но в конечном счете каждый человек делает свой выбор и только он решает, каким ему быть. И мне хочется верить, что я вырос в свободной, ответственной стране, несмотря на все негативные общественно-политические трансформации.

ИЛЬСУР ЗИГАНШИН, Казань

Для ответа на данный вопрос мне прежде всего необходимо понять, что значит «свободная» Россия. А как понять, что это такое, если до меня таковой еще не было, а была лишь «несвободная» Россия: феодальная, царская, советская, рабская, невытая Россия — какая угодно, только не «свободная». Соответственно, надо идти от обратного и отталкиваться от «несвободной» России.

Для меня символом прошлого России, несвободного прошлого, является чемоданчик. Маленький кожаный чемоданчик, в котором лежит все самое необходимое: белье, бритва, посуда, постельные принадлежности. А необходимо это на случай ареста. И как правило, чемоданчик этот стоял у двери квартиры людей думающих, рассуждающих, интеллигентных.

Могу сказать, что по-настоящему интеллигентных людей я видел не так уж много. Но и не так уж мало. А вот чемоданчиков с минимумом необходимых вещей на случай ареста я, к счастью, не видел никогда. Поэтому да, я вырос в свободной России.

Я вырос в стране, где было и есть много нищих. Я вырос в стране, где мама мне говорила возвращаться до темноты, потому что страшно. Я вырос в стране, где милиционера бояться больше, чем бандита. Вот в такой стране я вырос. Я вырос в свободной России.

Вспоминается мне пес Шарик из «Собачьего сердца», наевшийся от пуза и сравнивавший себя с бродячими и вольными собаками. «Да ну ее к черту, эту свободу, которую придумали несчастные демократы» — так рассуждает Шарик.

Но после Шарика всегда вспоминается Филипп Филиппович, который отстаивал свою свободу, который ценил ее. Для него свобода не превращалась в «разруху», а была добродетелью и порядком, при котором осматривают в смотровой, кушают в столовой, а в грязных калошах не ходят по мраморной лестнице и персидским коврам.

Свобода дается не всем, а только тем, кто достоин ее, только тем, кто сможет ее защитить.

Мои родители и вообще старшее поколение проявили мужество, достойное свободы и демократии, сказав «нет» режиму преступному, режиму, ни во что не ставящему основные права человека. Но потом оказалось, что кроме мужества в один момент нужно еще многое: терпение, трудолюбие, толерантность, тяга к знаниям и, главное, уважение к самим себе. А вот этого и не оказалось.

Это именно люди старшего поколения стали бандитами или «оборотнями в погонах» («термин», прошедший сквозь всю мою сознательную жизнь). Это именно люди старшего поколения поголовно давали взятки и брали их так же поголовно.

Свободная Россия оказалась не готова к свободе. Она хотела пепси и сникеров, но не хотела работать. Каждый был «Шариком», хотел что-нибудь получить сверху от «хозяина». «О, это должно быть великий человек» — таковы мысли Шарика, и так же мыслили все, кто восхвалял лидеров в надежде получить еще кусочек «краковской», которой никак нельзя людей кормить.

И все эти «Шарики» так и не понимали, что «хозяин» кормит их не просто так. Думаю, что так и не поняли.

Но они подарили мне свободу. Правда, сразу же испугались ее и стали отнимать кусочек за кусочком. На всю жизнь запомню свое разочарование выборами (своих первых выборов я ждал с десяти лет). Нет моих кандидатов, как, впрочем, нет и моего голоса. И таких примеров множество. Везде я вижу двери, которые закрыты, и ключей к ним вроде связей и больших денег у меня нет.

Но я уже безмерно благодарен им. Потому что все-таки дали.

Эту свободу используют по-разному: кто пиво пьет, а кто книги читает. Но для всех один очень важный плюс свободы — она воспитывает. Особенно в долгосрочной перспективе. При свободном выборе мы можем видеть непосредственные результаты своей деятельности. И мы понимаем, что в конечном итоге результат зависит прежде всего от нас. Пьешь пиво — вот тебе разбитое корыто. Учишь языки — вот тебе работа в международной компании. Все предельно ясно и просто.

Оценивая прошлое, надо понимать, что двадцать лет в свободной стране жили люди с рабским сознанием. И не только рабским, но и тюремным. Ведь в период после Октябрьской революции вся страна, по меткому замечанию Солженицына, каждый день была отравляема тюрьмой. И вся страна была большим тюремным лагерем. Отсюда всеобщее стремление «жить по понятиям», воровское сознание «сдохни ты сегодня, а я завтра». Отсюда же и массовое стремление уехать за границу, то есть «откинуться» или «свалить». Ведь так и говорили: валить отсюда надо. Да и в труде нет никакого смысла, если все результаты деятельности забирает пахан или тюремная администрация.

Анализируя же факторы, имеющие влияние на будущую экономическую и политическую ситуацию, никак нельзя исключить духовную составляющую поколения, которое только вступает во взрослую жизнь. Мы только закончили или заканчиваем техникумы, институты, университеты. И мы мыслим по-другому. Каждый мыслит по-другому, то есть по-своему. Только в этом выход из рабского сознания.

Для нас личная свобода является неотъемлемой составляющей бытия. Свобода нам дана не сверху, мы получили ее по праву рождения, и забрать ее у нас невозможно.

Когда-то Прометей украл с Олимпа огонь и дал людям. Прометей был жестоко наказан, но вернуть огонь боги были уже не в силах.

Наши родители очень жестоко поплатились за свободу, данную своим детям, но я думаю, они не жалеют о своем выборе, как Прометей не жалел о своем. Ведь счастье родителей — это счастье их детей.

Мне кажется, что мы должны быть благодарны нашим родителям, и лучший способ сказать им «спасибо» — это жить в стране не «дураков», а в стране «гениев». Люди с огнем — это уже совсем другое, нежели люди без огня. А Россия свободная — это уже совсем другое, нежели Россия несвободная.

ДАВИД КАНКИЯ, Краснодар

Я вырос в свободной России? И да и нет. Можно сказать, что взросление моего поколения произошло в разной России. В стране, где уже перестал существовать жесткий идеологический гнет единственно верного учения Маркса — Ленина — Сталина, но продолжает торжествовать двоемыслие и засевшее в подкорку у большинства раболепие перед начальством. В стране, где есть свобода слова на отдельных радиостанциях и газетах, но телевидение политически стерильно и покорно обслуживает власть. В стране, где ты можешь хоть 24 часа в сутки безнаказанно костерить Вождя в Интернете или на кухне, но если 31-го выйдешь на Триумфальную, тебя отоварят дубинками. У нас нет моральных авторитетов, зато есть национальный лидер. Мы свободны, мы рабы.

Свободная Россия, а что это вообще такое? От кого она свободна? И вообще, может ли страна или весь ее многоликий народ быть свободными?

Свобода не бывает абсолютной, это понятие двояко, содержит в себе свое же отрицание. Можно быть свободным только от чего-то конкретного: от мук совести, моральных обязательств или чувства долга. Значит, существуют разные виды свободы, и надо лишь понять, какие из них есть у нас как граждан, элементарных частиц страны. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, сравним состояние различных свобод в России и Советском Союзе.

Свобода покинуть страну. Для нас открыт весь мир. В любой момент любой гражданин России может собрать чемоданы и без проблем уехать за границу. В советской стране был «железный занавес» и о свободе перемещения говорить не приходилось. Кстати, если в СССР высылка за кордон считалась наказанием, то в современной России все совершенно наоборот: запрет на выезд из страны рассматривается как страшная немилость государственной машины.

Свобода предпринимательства и частной собственности. В этом пункте все достаточно неоднозначно. С одной стороны, не существует никаких формальных преград для владения собственностью и занятий бизнесом. С другой стороны, в любой момент твой бизнес может быть отобран кем-то из власти имущих, и ты с этим ничего не сможешь сделать. Искать справедливости в судах или коридорах власти бессмысленно. А простые сограждане еще плюнут тебе в лицо и скажут: так тебе и надо, буржуй паханый! Любому бизнесмену постоянно держит в голове пример Ходорковского. Так что в России свобода владения собственностью и предпринимательства носит весьма условный характер. На самом деле ты не владеешь собственностью, а лишь временно пользуешься, пока чин покрупнее не захочет ее себе. Хотя в сравнении с СССР прогресс налицо: тогда и слов таких толком не знали.

Свобода информации. Если до периода гласности и перестройки легко можно было получить срок за томик Солженицына, то теперь читай что хочешь, никто и слова не скажет. Полная свобода. Правда, в условиях информационного плюрализма почему-то популярностью пользуется всякое мракобесие, вроде Фоменко и Донцовой, а не Гайдар и Достоевский. Не стоит забывать и про Интернет: все совокупное знание человечества на экране твоего монитора. Но, к сожалению, и здесь все та же картина: преобладает пошлость и скудоумие. Так что еще большой вопрос, насколько умело россияне научились пользоваться этой формой свободы.

Свобода слова и СМИ. Безусловно, свобода слова в России есть. Но не везде, а только в интеллектуальных резервациях, вроде «Эха Москвы», «Новой газеты», в Интернете. Зато отсутствует независимая тележурналистика, а редакционная политика телеканалов полностью соотносится с настроением власти. Что и неудивительно, ведь все значимые каналы принадлежат либо государству, либо близким к власти олигархам. При этом нет жесткого идеологического контроля, как раньше, а главный цензор сидит в головах самих журналистов.

Политические свободы. Для миллионов советских граждан единственным способом участвовать в политической жизни страны являлось вступление в коммунистическую партию. Более того, без этого невозможно было построить карьеру. Полный политический монополизм. За любую критику или публичное несогласие с единственно верным курсом единственной верной партии можно было с легкостью стать врагом народа. А уж про выборы и говорить не приходилось. Только блок коммунистов и беспартийных, и всегда 100% го-

лосов. В современной России есть 13-я статья Конституции, которая запрещает государственную идеологию. И сегодня партийная система страны представляет собой пестрый цветник. От красно-маковых коммунистов до вечнозеленого «Яблока». Целых семь разрешенных цветов(ков). Но по какому-то странному стечению обстоятельств все место под солнцем занято сорняком ЕдРозией. В некоторых особенно солнечных регионах этот сорняк получает на выборах все 104% голосов, чего не было даже в СССР. А вот что неизменно и по сей день: хочешь быть успешным в политике и жизни — одна дорога, через «Наших» в ЕдРо. Иначе ты маргинал.

Свобода в науке. В СССР наука находилась под пятой номенклатуры и в основном занималась обеспечением нужд военных. Поэтому физики и химики находились на особом положении, они были важными людьми, которым позволялось больше, чем всем остальным. Именно с этим связан расцвет технических наук. В свою очередь, гуманитарные науки оказались вторичными, социально неблагонадежными, да и вообще не очень полезными. Некоторые области человеческого знания провозглашались лженаучными, как генетика. А такие дисциплины, как политология, вообще как бы не существовали. Сейчас наука более или менее независима от идеологических нагрузок. Однако становление на рыночные рельсы больно ударило по старым кадрам. Они не смогли приспособиться к новым условиям и выжить без мощной государственной поддержки. Те, кто был попредприимчивей, ушел в бизнес или уехал за границу, остальные в большинстве своем были вынуждены влачить жалкое существование. Сейчас, к сожалению, очень небольшая часть талантливой молодежи готова сделать выбор в пользу научной карьеры, ведь в таком случае ты, скорее всего, обрекаешь себя и своих близких на полуголодное существование. Теперь ученые вызывают не уважение и восторг, а жалость и иронию.

В общем, если подводить итог, то можно сделать следующий вывод — мы стали свободней, чем 50 или 30 лет назад, но мы не стали счастливей. На нас свалилась огромная ответственность, к которой мы были не готовы. Многие с облегчением пожертвовали своими правами и свободами, как только появилась малейшая надежда на то, что можно будет жить как раньше, скромно, но сытно, бесправно, зато под опекой. Для тех же, кто не согласен, кто хочет сам быть хозяином своей судьбы, жизненное пространство год от года сужается. Их выдавливают в виртуальное пространство Интернета или за границу, а они с недовольным фырканьем принимают отведенную им роль.

Россия последних 20 лет одновременно прекрасна и отвратительна. Это страна, в которой можно быть свободным, лишь каждый день прикладывая значительные усилия. Где ты являешься гражданином не по праву рождения, как Европе, а по праву борьбы. Благодаря тому, что день ото дня, вопреки всему, выдавливаешь из себя раба.

ЕКАТЕРИНА КОЖЕВИНА, Омск — Москва

Мой товарищ закончил исторический факультет Омского государственного университета. Будучи студентом, он посещал лекции довольно известного профессора-медиевиста Генриха Кутдусовича Садретдинова. Профессор был уже в почтенных летах, в руках неизменно перебирал деревянные четки, носил окладистую бороду и любил часто отклоняться от темы лекции. Однажды он в очередной раз решил поговорить со студентами «за жизнь» и спросил: «Скажите, а что для вас сегодня самое важное?» Девочки-отличницы, сидящие за первыми партами, неуверенно зашептались: «Семья... любовь...» Но вдруг с задних рядов послышалось четко и звонко то самое заветное слово — «свобода». Оно прокатилось волной по аудитории и повисло в воздухе. Тогда Генрих Кутдусович посмотрел на группу и сказал: «Знаете, а ведь свобода — это самая высшая ценность в рабском обществе».

Порой я задумываюсь над тем, как «рабство» и «свобода» могут сосуществовать внутри личности, внутри социальной группы, внутри целой страны. Что же онтологически означает это слово — «свобода»? Что значит быть или не быть свободным человеком? И уж тем более стоит разобраться с тем, что такое свобода, когда мы говорим о масштабах целой страны.

В 1941 году социальный философ Эрих Фромм закончил работу над своей книгой «Бегство от свободы», когда весь мир содрогался от разрушительной силы фашизма. Фромм писал о том, что свобода — это нечто большее, чем отсутствие притеснения. Не стоит забывать, что помимо «свободы от» должна существовать «свобода для». Свобода — это возможность людей раскрыть свой потенциал, стать теми, кем они являются на самом деле. Иными словами, это всегда *возможность выбора* (и этот выбор не должен ограничиваться смертью, лишениями или рабством). Однако свобода — это не только внешнее условие (возможность выбора), это внутреннее состояние человека, его *желание и готовность выбирать*.

Таким образом, свободная страна — это *государство, в котором, с одной стороны, возможность выбора закреплена институционально* в виде многопартийной системы, конкурентного рынка, эффективного законодательства, полноценного рынка труда. Но, с другой стороны, в этой стране должна существовать иная сила, которая *функционирует независимо от государства*. Это некоммерческие организации или отдельные люди, которые ежедневно делают свой выбор. Они защищают профессиональные интересы, решают проблемы бездомных детей и пожилых людей, развивают протестное искусство, борются с коррупцией и т.д. Они самостоятельно выбирают тот мир, в

котором будут жить завтра, не дожидаясь решения политиков. В терминах социальных наук первое условие — это *демократия*, второе — *гражданское общество*.

Мое детство прошло в 90-х годах. Яркими лоскутками всплывают в памяти жвачки «Love is», группа «На-На» в космических костюмах, бесконечные голливудские мелодрамы и боевики с закадровым голосом Володарского и еще родительские споры, предмета которых я не понимала. Вечерами они сидели на кухне и горячо обсуждали, как соседи на какие-то «завучеры» купили новый холодильник «Снежок». Но в то время я, конечно, и не могла себе представить, какие серьезные изменения произошли в структуре нашего общества.

Вокруг как грибы выростали новые предприятия, прогорали и снова появлялись фирмы-однодневки. Многие талантливые «хищники» сумели открыть свое дело, реализоваться, стать профессионалами, обрести фроммовскую свободу. Однако среди людей, которые смогли «подняться», далеко не все достигли нового положения благодаря собственной интеллектуальной незаурядности. Везло и тем, кто обладал врожденным чутьем на деньги при отсутствии уважения к закону. Но это только одна сторона медали.

Помимо известных всем «новых русских» появляются так называемые новые бедные, о которых пишет Татьяна Заславская. Это инженеры, врачи, преподаватели. С появлением новой государственности они потеряли и социальный статус, и былую материальную обеспеченность. Кто-то собрал свои пожитки в кожаные советские чемоданы и уехал на Запад, поменял профессию, стал таксистом или грузчиком, но при этом сытым и уверенным в завтрашнем дне. Большинство осталось. Кандидаты наук торговали колбасой, занимались челночеством. Многие спивались.

Были ли эти люди свободными? Наверяд ли. Выбор «новых бедных» был заведомо ограничен. Либо ты остаешься верен себе, своей стране, своей профессии и живешь впроголодь, либо уезжаешь, занимаешься хлебным, но чужим делом и кормишь семью. Но загвоздка в том, что и в советское время несвобода этих людей обеспечивалась идеологией, цензурой, лагерями, опасностью лишиться жизни.

Если говорить о периоде 90-х, то нельзя сказать однозначно, была ли наша страна свободной. С одной стороны, появились новые возможности, политическая борьба, свобода слова. Но, с другой стороны, масса людей не смогла адаптироваться к новым условиям, провалилась за черту бедности, оказалась не готова к переменам в силу различных причин: возраст, недостаточный уровень образования, консервативность, преданность идеалам. Да и можем ли мы назвать свободной страну, в которой государство показало сначала в 1993-м году, а потом и в 1994-м, что можно безнаказанно стрелять из танков по своим же гражданам? Как говорил один из персонажей Сергея Довлатова: «Демократию надо внедрять любыми средствами. Вплоть до атомной бомбы».

Закончились 90-е, и нулевые все расставили по своим местам. Глубокая аполитичность, нежелание людей ходить на выборы, центристское движение к стабильности и авторитаризму — логичное завершение лихих 90-х. Как государство, неготовое к модернизации политической системы, плюрализму, отвернулось от демократического пути развития, так и люди, зацикленные на ожидании чуда, неготовые к самостоятельному решению своих и чужих проблем, не стали объединяться, чтобы менять мир вокруг. Согласно данным фонда «Общественное мнение», 44% россиян считают, что благотворительность нужна людям только для того, чтобы рекламировать свой бизнес. Значительная часть населения не задумывалась об этом в принципе. Но, к счастью, есть и другие. Те, кто, подобно доктору Лизе, рискует собственной жизнью, чтобы изменить жизнь других к лучшему. Искренне, честно. Те, кто верит, что счастье и здоровье человека — высшие ценности.

Авторитаризм, к которому мы пришли сегодня, — воплощение массового побега от свободы. Люди боятся быть собой, для них гораздо комфортнее полагаться на тех, кто сверху. Несвобода России сегодня — это не только и не столько вина государства, это выбор людей, которые бездумно ставят галочку в бюллетене, следуя стадному чувству большинства, или отказываются от голосования в принципе, людей, которые будут ждать, пока государство повысит пенсии, вместо того чтобы организовать фонд поддержки пожилых людей. Но я верю, что открытость мира, образование, заразительная энергия тех людей, которые делают нашу жизнь лучше, однажды перевесит чашу весов на свою сторону.

Мне кажется, что я выросла в несвободной стране. Я верю, что буду стареть в свободной.

МИХАИЛ ЛЯПУНОВ, Набережные Челны

Я родился, как и многие мои сверстники, в 1990 году. Году, во многом переломном для СССР и России, переломном для всего мира. В 1991 году государство СССР окончательно прекратило свое существование. О том, что было после, существует множество версий. Пожилые люди до сих пор говорят, что нам, мол, нужна мощная рука, типа Сталина, что в те времена было лучше. Да и от молодежи часто слышны такие слова.

Здесь я выскажу свое личное мнение. Я буду очень рад, если оно совпадет с чьим-то мировоззрением еще. Мне повезло родиться в переломный момент мировой истории. В 1991 году пропали те иллюзии, которые навязывались всему советскому народу: коммунизм — будущее всего мира, Запад загнивает,

единственная правильная власть — власть Коммунистической партии. Вдруг оказалось, что СССР — страна, которая потратила огромные деньги на войну в Афганистане, на строительство БАМа и прочие громадные проекты, — не может обеспечить свой народ даже хлебом, не говоря уже о банковских счетах своих граждан.

Вот в такой страшный для страны момент на ее спасение пришли те, кому была она важна не как инструмент собственного обогащения, а как Родина. Одним из таких важных государственных деятелей был Егор Гайдар. Я думаю, они считали своим долгом сделать Россию богатым, успешным государством. Страной, куда бы стремились приехать не только русские, но и другие, умнейшие люди своего времени.

Вот в этот период, условно его можно обозначить с 1991 по 1996 год, Россия стремительно становилась *свободной*. И люди в России, несмотря на все проблемы и нехватку часто необходимых вещей, были свободными. В это время гражданам страны почувствовали себя теми, от кого зависит многое в стране. Были и выборы губернаторов, президента, выборы депутатов и даже референдумы. Митинги стали средством протеста или достижения своих определенных целей. Многие ругают девяностые за разгул преступности. Он был, и с этим может спорить только глупый. Но никогда еще в России не было такого количества свободной прессы, которая могла в свободной России писать о том, о чем хотела.

Но была в России одна проблема. Проблема, которая, на мой взгляд, давно уже мучает наше государство. Возникла она еще в имперский период существования нашей страны. У нас постоянно убивали, репрессировали, уничтожали умнейших людей только лишь для того, чтобы царствовать могли не самые передовые силы. В царские времена самыми известными из них стали декабристы, в СССР даже смысла нет перечислять тех, кого репрессировало наше государство. Вспомнить хотя бы академика Сахарова, который очень сильно пострадал за свою правозащитную деятельность.

В России же современной свободу быстро завернули вновь пришедшие к власти чекисты. Еще в 2003 году Путин с помпой поздравлял М.Б. Ходорковского с юбилеем компании ЮКОС. Через несколько месяцев после этого государство начало планомерное разрушение одной из крупнейших корпораций в России. Многие могут спросить, а как связан олигарх и свобода в России? Могу заметить, что Ходорковский был учредителем фонда «Открытая Россия». Этот фонд сделал такое количество добрых дел, что перечислять придется долго. Это и образовательные программы для разных групп населения, и гранты, и многое другое.

Так получилось в нашей отчизне, что умнейшие люди вечно сидят не там, где должны сидеть. Общество привыкло кричать на каждом углу: от нас ничего не зависит. Не ходить на выборы, пофигистски относиться ко всему, что вообще нас окружает. Следовательно, и получаем то, что получили сейчас.

Да, я родился в свободном государстве. Да, я считаю, что в моей жизни зависит от меня практически все. Так считают многие люди, которые меня окружают.

Иногда у меня начинают возникать мысли об уровне свободы в тот или иной период жизни нашего государства. И я начинаю понимать, что сейчас мы можем высказать свою точку зрения. Если нас не покажут по телевидению — не беда. Всегда есть Интернет, пресса, да и дискуссионных площадок сейчас очень много. Мы с гораздо большей легкостью говорим, что не стоит голосовать за Медведева и Путина, не боясь попасть за такие высказывания за решетку или вообще быть расстрелянными, как во времена Сталина.

Сейчас у нас есть гораздо больше сил и возможностей, рычагов давления, площадок для высказываний. Даже мнений у нас сейчас больше. Я считаю, что сейчас совершенно ничто не мешает нам делать себя, своих близких, друзей более свободными. Этот процесс, на мой взгляд, бесконечен. Есть только один измеритель уровня свободы — твой личный. Если ты считаешь, что зарвавшиеся чиновники, которым наплевать на все, — это нормально, значит, ты свободен в такой действительности. Если твою гордость вызывает «Газпром», Олимпиада в Сочи и у тебя есть желание воровать так же, как они воруют, — это твоя свобода.

Мне очень нравятся нынешние музыканты, не только Шевчук, но и многие другие. К примеру, группа «Тени Свободы», подводя итоги нулевых, спела:

Нулевые — годы позора,
За правду — смерть, за борьбу — заборы
И взгляд на мир отсталый свысока.
Нулевые — годы позора,
Не время для дискуссий и споров,
Вечный праздник, вечный день хорька.

Чем больше таких музыкантов, журналистов, политиков, да, наконец, обычных граждан, которые работают где угодно и кем угодно, будет становиться у нас в стране, тем выше будет уровень свободы.

Ведь нам не нужен доход в 100 миллиардов, нам нужна лишь свобода, то есть та возможность, при которой зарвавшийся чиновник не сможет запросто уничтожить твой бизнес, потому что ему так захотелось. Нам, всему нашему обществу нужна свобода личности, слова, действий... В общем, та свобода, которая записана в нашей Конституции. Кстати, хорошая книга. Как жаль, что наши правители пока не хотят соблюдать ее.

Радует сейчас то, что растет самосознание всего общества. Даже те музыканты, которые в 2003 году в интервью говорили, что не стоит ходить на выборы, там нечего делать, сейчас чуть ли не заставляют своих слушателей сходить и

проголосовать против партии «Единая Россия». Появляется очень много общественных организаций, которые по частям, по частичкам отвоевывают свободу у правительства. Москва не сразу строилась. Я думаю, мы на хорошем пути.

Надеюсь, что путь не прервется!

СЕРГЕЙ НЕСТЕРЕНКО, Пятигорск

Одно могу сказать точно — я вырос в России, в стране с богатейшей историей, культурой, неповторимой судьбой, а народ ее на протяжении многих веков оставался закрепощенным. Будь то Российская империя или СССР, свобод большинство людей имели мало, а подчас совсем их были лишены. Чем это объяснить? Многие мыслители пытались ответить на этот вопрос, но к единому мнению так и не пришли. Иностранцы, например, приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм из своего национального духа или своей геополитической судьбы. Не хочется в это верить, но факт остается фактом.

Я родился на закате Советского Союза, в 1989 году. Я рос, а вместе со мной росла новая Россия. Мы практически ровесники, несколько лет разницы, которых все равно не помню. Как не помню очередей, дефицита продуктов в магазинах, талонов на питание и много другого, за что так ругают Союз. У нашего поколения было «все», начиная от модной одежды и заканчивая кока-колой. Мы росли, ощущая свободу, мы хотели жить как герои западных боевиков, подражали им. Но с возрастом начали закрадываться сомнения: а свобода ли это? Разве количество денег и власти должно определять положение человека в обществе? Конечно, нет. Так, может, отсутствие равных законов для всех можно назвать свободой? Тоже нет. Необходимо разобраться, что же такое свобода на самом деле. В энциклопедии дана трактовка: свобода — это наличие у человека или процесса возможности выбора варианта и реализации (обеспечения) исхода события. Отсутствие такого выбора и реализации выбора равносильно отсутствию свободы — несвободе. В 1991 году народом был сделан выбор. Выбор есть и сейчас, но исторический парадокс, о котором было сказано ранее, повторяется. Сегодня можно с уверенностью сказать, что свободы в России неумолимо сокращаются.

В 90-е многие увидели свободу в возможности воровать, обходить закон, и я не говорю о привилегированных слоях общества. Новая власть больше не указывала, что и как делать, рыночные отношения охватили все сферы жизни общества. Частная собственность, предпринимательство, преобладание личных интересов над общественными — куда ж еще свободнее? Неудивительно,

что население приняло это за чистую монету. Не могу сказать, был ли это чей-то злой умысел или же стечение обстоятельств. Впоследствии противостоять этому стало довольно сложно. Если допустить, что завтра все органы государственной власти начнут исполнять свои обязанности должным образом, то больше половины предприятий, образовательных учреждений, больниц, банковского сектора, рынков и многого другого просто-напросто закроется, не говоря уже о частном секторе. Все они не ответят букве закона, нормам и требованиям. И как быть? Получается, что возможность обойти закон тоже своеобразная свобода? Любая власть в конечном итоге стремится к ограничению прав и свобод граждан, а на основе подобных правил тем более.

Прошло всего двадцать лет, а как люди привыкли. Коррупция стала неотъемлемой частью нашей жизни, никто не удивляется, и все как-то пугающе легко относятся к очередной новости о продажных судьях и проворовавшихся чиновниках. Неужели обыденность, стремление заработать деньги, навязанная пресловутая американская мечта так безнадежно закрывают нам глаза? Зачем играть по таким правилам свободы, где деньги и связи определяют количество наших прав? Если есть фактор, ограничивающий выбор, то о свободе говорить не приходится.

Человек — это такое создание, которое всегда стремится к упрощению своего положения. Если можно не работать — не будет, если можно сократить — сократит и так далее. В 90-е мощная бюрократическая машина Союза рухнула, следовательно, появилась возможность сглаживания многих углов. Мало кто задумывался о будущем, нужно было выживать, а кому-то — просто оставаться на том же уровне потребления. Псевдосвобода — возможность отступить от норм и правил — никогда не приведет к успеху. Свободу необходимо беречь, она предполагает отказ от некоторых личных выгод в пользу общих. Вырос ли я в свободной России? Тут скорее подойдет термин — разгульная Россия. Некая вседозволенность с учетом определенных факторов. Если кому-то и нужна такая свобода, то мне категорически нет.

НИКОЛАЙ ПАРФЕНЁНОК, Санкт-Петербург

Я родился через полгода после развала Советского Союза. Даже двадцать лет — такой период истории, который не в состоянии отразить всю гамму последствий событий такого уровня, что уж говорить про попытки анализа середины — конца последнего десятилетия двадцатого века. Вдвойне сложно делать выводы из-за того, что реальное и независимое описание событий начала 90-х весьма сложно найти. Информация, получаемая при опросе очевидцев,

также не является валидной, так как людям свойственно оценивать лишь текущие на тот момент показатели, не принимая в расчет затраты государства на долгосрочные реформы, чьи семена дают всходы позднее. Плоды тех демократических преобразований, совершенных ценой тяжелой экономической ситуации 90-х, основная масса страны ощутила лишь в последнее пятилетие.

Оценивая, свободной является страна или нет, необходимо для начала определить, что же это такое — свободная страна. В моем понимании, свободной является та страна, которая проводит свою политику с учетом национальных интересов, интересов своих граждан. Свободная страна та, которая гарантирует соблюдение прав человека на своей территории. Страна с социально защищенным населением. Страна со свободными СМИ.

Итак, начало 90-х годов. Оковы железного занавеса пали. Наконец-то были опубликованы запрещенные советской цензурой литературные шедевры. Теоретически россияне получили возможность путешествовать в зарубежные страны, открывать свое дело. В страну наконец пришло продуктовое и товарное изобилие. Это те самые плоды 90-х, которыми мы наслаждаемся сегодня. Правда, дались они тяжелой ценой для современников: шоковая терапия Гайдара, экономические реформы Павлова, падение по уровню жизни на 68-е место, бешеный государственный долг, приватизация государственной собственности, ликвидация предприятий, невыплаты зарплат, вынуждавшие население продавать ваучеры. Слегка оправившихся от всех потрясений россиян ждало новое испытание в виде дефолта 1998 года. По экономическим показателям назвать Россию свободной, увы, не представляется возможным. Не представляется возможным назвать по этому показателю свободной и современную Россию, чья экономика полностью зависит от цен на энергоресурсы, курс рубля имеет весьма смутное будущее и инвесторы не особо спешат вкладывать в нашу страну. Россия может продемонстрировать относительное благополучие своего преимущественно молодого населения, и то не в последнюю очередь благодаря давшим наконец всходы глобальным реформам 90-х, но, увы, демонстрирует и нищенское положение людей, проработавших на благо своей страны в течение всей жизни.

Отвечая на вопрос, была ли Россия свободной в 90-е и стала ли свободной сегодня, необходимо проанализировать внешнюю политику изучаемого периода. Советский Союз рухнул, и западный мир замер в ожидании: что собой будет представлять завтра страна, вчера бывшая сверхдержавой; будет ли она раниматься или превратится в авторитарное государство с агрессивным настроем, угрожающее ядерным оружием. Увы, Российской Федерации было не до проработки долгосрочных внешнеполитических приоритетов, но ей крайне необходима была поддержка западных партнеров. Некоторые политики (к примеру, Кременюк В.А.) считают, что, если бы Андрей Козырев не проводил прозападную политику, российской демократии пришел бы конец.

Россия быстро вошла в G8, сохранила за собой место в Совете Безопасности ООН. Сложно сегодня проигрывать альтернативные модели развития, но факт есть факт: пусть сокращение менее выгодного для России количества боеголовки — вопрос исключительно имиджа, но, к примеру, результаты непоследовательной политики на Балканах всплывают у нас везде. Свое внешнеполитическое лицо Россия начала приобретать при министре Примакове, когда произошел переход от гибкой политики (как называл данный период Дэвид Эбшайр из Центра стратегических и международных исследований) к прагматичной. Россия стала способна отстаивать национальные интересы и могла уже позволить себе развернуть самолет с министром иностранных дел прямо над Атлантикой после поступления новости о начале бомбардировки берегов Дуная. Не особо Россию беспокоило и крайнее раздражение Запада по поводу продажи оружия Китаю.

После развала СССР генерал Лобов задался вопросом: ОВД нет, так зачем НАТО? Увы, НАТО отменять в связи с развалом СССР никто не собирался, более того Россия была близка к вступлению в альянс в начале 90-х. Для большинства россиян членство в НАТО кажется сегодня абсурдным, хотя В. Путин в 2008 году, отвечая на вопрос о возможности вступления, сказал: «Never say never»¹, но необходимо признать, что Россия и НАТО уже не враги, хотя еще и не друзья. Возьмем, к примеру, опыт Франции в НАТО. Членство было приостановлено в 1966 году, но в 2009 году Франция вернулась в ряды альянса. Некоторые политологи выражали надежду на то, что Франция станет мощным противовесом США, тем самым одновекторность курса НАТО уйдет в прошлое. Наивной кажется сегодня возможность согласования всех разногласий России и НАТО, но необходимы переговоры и серьезная реформация НАТО, превращение его в организацию, которая будет реальным гарантом международной безопасности и сильным органом в борьбе в первую очередь с международным терроризмом. Лишь после этого возможно вступление России в альянс, что сделает его многополярным и будет благом для всего международного сообщества.

Анализируя внешнюю политику, можно сделать вывод, что с приходом Примакова к 1996 году в России начала проследиваться внешняя политика, отвечающая национальным интересам, и по этому показателю Россию можно считать свободной страной.

В 90-е более опасными странами для журналиста, чем Россия, были только Алжир и Ирак². В 90-е же начинают проследиваться сферы влияния в электронных СМИ медиамагнатов. ОРТ, единственный телеканал, который

¹ http://www.rian.ru/defense_safety/20081116/155232998.html

² См.: *Рантанен Т.* Глобальное и национальное: массмедиа и коммуникации в посткоммунистической России. М. : Изд-во Московского ун-та, 2004. С. 47.

вещал практически на всей территории страны, находится в сфере влияния Бориса Березовского, равно как и телеканал ТВ-6. На третьем канале, согласно указу президента Б. Ельцина, в 1994 году начинает вещание телекомпания НТВ, принадлежавшая Владимиру Гусинскому. Следует отметить, что и ОРТ, и НТВ, и ВГТРК поддержали кандидатуру Бориса Ельцина на выборах 1996 года, даже несмотря на явное соперничество Гусинского и Березовского. Первый главный редактор журнала *Forbes* Пол Хлебников в своей книге «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России» отметил, что «контролируя 36 процентов акций ОРТ, он обладал правом вето на любое решение. Но это было не все. В отсутствие сильного акционера в лице государства он фактически управлял ОРТ»¹.

После выборов 1996 года Россия пришла к периоду, когда олигархи, реализуя свои экономические интересы, оказывали посредством СМИ глубочайшее идеологическое влияние. Заведующая кафедрой телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ Анна Качкаева отметила в своей книге: «На головы миллионов зрителей обрушивается поток компроматов, связанных с противостоянием “банкиров-олигархов” (ОРТ, НТВ) и защищающихся “реформаторов” (ВГТРК)»². Все информационно-пропагандистские кампании имеют одинаковый сценарий: начинается с утечки компромата, его раскрутки в СМИ и завершается кадровыми перестановками в правительстве и президентском окружении. Информационные войны сопровождали отставку правительств Черномырдина (март 1998 года), Кириенко (август 1998 года), Примакова (май 1999 года). К 1999 году нет единства и среди олигархов: Березовский ставил на Путина, Гусинский — против преемника. В свете информационных войн россиянам приходится для получения независимой информации вновь настраиваться на волны ВВС и Радио Свобода.

Назвать СМИ 90-х независимыми я не могу, но ситуация сегодня еще более удивительна: согласно опросу ВВС 2007 года 46% опрошенных россиян считают, что СМИ в России свободны в значительной степени³. Более того, 47% вообще считают, что стабильность имеет большее значение, чем свобода слова, и лишь 18% считают, что свобода слова в нашей стране находится на низком уровне. Только 27% россиян считают, что вопрос о том, кто является хозяином конкретного СМИ, не влияет на объективность информации, а 57% уверены, что политические взгляды владельца СМИ влияют на то, как освещаются новости.

¹ Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. 2-е изд., испр. М.: Детектив-Пресс, 2004. С. 207.

² Качкаева А. Новейшая история российского телевидения. 1985–2002: Справочник по средствам массовой информации Российской Федерации. М., 2002. С. 33.

³ См.: World divided on press freedom. URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/10_12_07_worldservicepoll.pdf

Если россияне, согласно данному опросу, не считают ситуацию в стране столь критической, почему же Россия замыкает рейтинг свободы прессы, находясь на 140-й строчке между Эфиопией и Малайзией?¹ Особенная резка критика свободы слова в России таких международных организаций, как Комитет защиты журналистов (Committee to protect journalists) и «Репортеры без границ» (Reporters sans frontieres). Комитет защиты журналистов подчеркивает факт, что за годы президентства Путина было убито 13 журналистов, причем ни одно из этих преступлений не было раскрыто². «Репортеры без границ» называют главными проблемами российских СМИ насилие (в частности, убийство Анны Политковской и Пола Хлебникова), давление на СМИ, а также несоответствие европейским стандартам регулирующего СМИ законодательства³.

Помню, что первые свои осознанные годы я боялся смотреть новости. Выпуски новостей выглядели довольно жутко: кровавые сцены из Чечни, взрывы в Москве — картины, явно не адаптированные для детской психики. Зато сегодня включаешь телевизор и мозг медленно отключается: в Японии землетрясение, в Ираке теракт... а в России спасают тюленей!! Действительно, зачем россиян обременять на Первом канале или каналах семейства ВГТРК каким-то отказом в регистрации партии «Парнас»? Я не сторонник этой партии, однако я считаю необходимым дать россиянам возможность сделать свой выбор. Маловероятно, что даже в случае честных выборов эта партия преодолеет семипроцентный барьер, однако это будет выбор россиян.

Идеология, упорно вдалбливаемая молодежи, к примеру, главой «Росмолодежи» Василием Якеменко, что российский народ не способен на здравый выбор и что на благо России надо решать за него, ведет к тому же, к чему привели режимы Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Муаммара Каддафи в Ливии. Я был в Тунисе за несколько месяцев до революции, количество портретов Бен Али на квадратный километр практически равнялось количеству портретов тандема Медведев — Путин на Селигере. Бен Али за время своего президентства превратил Тунис из задворков цивилизации в самое процветающее в регионе государство. Хотя большинство российских политологов уверено, что сценарий революций Арабской весны России не грозит, не стоит забывать, что движущей силой этих революций были студенты и представители малого и среднего бизнеса — то есть те, кто просто устал от коррупции, отсутствия свободы слова, ущемления прав человека, тяжелой экономической ситуации... Чем ситуация в России сегодня отличается? Последняя иллюзия 2000-х в виде улучшения экономической ситуации тлеет. Сегодня эксперты

¹ См.: Press freedom index 2010. URL: <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2010,1034.html>

² См.: Russia: thirteen murders, no justice. URL: <http://cpj.org/reports/2006/11/russia-murders.php>

³ См.: Russia today. URL: http://www.rsf.org/article.php3?id_article=17476

открыто говорят о том, что у экономики России нет перспектив и крах рубля все реальнее, а экономический кризис всегда порождает политический¹. Нельзя ощущать себя в стране свободно, не чувствуя уверенности в завтрашнем дне.

Проанализировав три аспекта, с сожалением можно констатировать, что лишь по одному из них Россию можно назвать свободной страной. Рождение демократии не происходит быстро, причем это характерно не только для России. США потребовалось 90 лет, чтобы избавиться от рабства, и 150 лет, чтобы женщина получила право голоса. Главное, чтобы движение к этой демократии было последовательным и непрерывным, чтобы взращенные огромным трудом ростки демократии не были уничтожены, и в первую очередь в ближайшие двенадцать лет.

АЛЕКСЕЙ ТАРАЗЕВИЧ, Москва

Приезжаю я в Москву,
В парк я Горького иду.
Ветер чувствую затем —
Ветер перемен...

«Scorpions», 1990

Я родился в 1988 году. Это точка отсчета моей жизни и целого поколения девчонок и парней, у которых в свидетельстве о месте рождения стоит СССР, а страны они этой сами не знают...

Информационный фон (де-факто телевизионный), который окружал меня в момент рождения, можно было бы представить следующим образом: армянское землетрясение, беспорядки в Грузии и Средней Азии, события в Тыве, вильнюсские вооруженные столкновения между сторонниками действующего режима, доживающего свои последние дни, и его противниками. 19 августа 1991 года. Странно, но, оглядываясь назад, когда мне будет не 23, а, наверное, 83, я смогу сказать своим внукам, в *какое* время я родился и в *какое* время прошло мое детство. Вторая революция XX века для родной страны по масштабу слома и изменений в жизни сравнима лишь с революцией 1917 года.

По рассказам понимаешь, что все это парадоксальным образом воспринималось ожидаемо и неожиданно одновременно. Ожидаемо потому, что так жить, как жили при коммунистах, было уже нельзя, а неожиданно потому, что никто не верил в то, что можно жить не при коммунистах.

¹ См.: Выборы президента не смогли удержать рубль от падения. URL: http://www.dp.ru/a/2011/09/22/Vibori_prezidenta_Rossii/

Единственное воспоминание о Советском Союзе у меня связано с лирической ноткой. Я помню, как мы с мамой осенью 1991 года встречали на детской площадке рядом со школой моего брата. На нем была темно-синяя форма и пионерский галстук. Это была последняя осень, когда московские школьники надели пионерские галстуки, а я, крохотный карапуз, ничего не знавший про ГКЧП, КПСС, Ельцина и Горбачева, просто бежал навстречу своему брату.

Аромат эпохи, 90-е... Турецкие жвачки Lazer (вкладыши которых все собирали), «паленые» батончики Snickers и Mars, реликт советского прошлого — хрустящая соломка в смешных картонных коробочках, больше похожих на кирпичи. Все это навсегда отпечаталось в моей детской памяти. Ларьки-палатки... Я отлично помню это время, когда я вместе с папой подходил к этим маленьким оазисам изобилия и демократии посреди безграничной пустыни разрушения и деградации. Протягивая смятую купюру в амбразуру, ты получал тогда все, что было угодно твоей душе. Эти маленькие доты капитализма стойко выдержали атаки отморозков в «лихие» годы, беспредел и кормление разных служб в нулевые. Смешная информация конца прошлого года о том, что Собянин хочет одним практически махом покончить с этим явлением 1990-х, вызвала у меня довольно печальные чувства. Откровенно говоря, я был бы не против и своего сына в будущем, крепко сжимающего своей крошечной пятерней мой указательный палец, подвести к палатке (к тому времени, наверное, максимально автоматизированной) и спросить, чего он хочет больше: жвачку или «Колу». Он протянет в купюроприемник «полтинник», и из амбразуры рука робота выдаст ему то, что он хочет, так же как мне в начале 90-х женская ручка в перчатках с отрезанными кончиками протягивала батончик «Сникерс» или банку «Пепси». Да Бог с ними, с ларьками этими...

Свободны ли те, кто родился раньше нас, наши старшие братья и сестры, родители? Люди, появившиеся на свет еще в Советском Союзе, по меткому замечанию Стогова, как будто «немножко облученные», то есть те, кто застал еще то время, уже никогда не смогут окончательно избавиться от этого «заражения». Оно останется с ними до конца, будь они хоть сто раз дипломированными специалистами самых престижных американских и прочих западных университетов. Они все равно в глубине сознания останутся такими немножко «совками», с определенным набором стереотипов поведения и мышления.

Поэтому, заикаясь о новом инновационном рывке или цивилизованном развитии гражданского общества, власти не могут предложить ничего лучше старых методов, применявшихся еще их далекими предшественниками со времен Ивана Грозного: палка, кнут, а в худшем случае тюрьма или плаха (до последнего, слава Богу, еще не дошло). Проще всего запретить или, наоборот, резко разрешить что-то, а за провинность моментально навешать «горячих» по мягкому месту. Потом говорить при каждом удобном случае, что, мол, да, у всех случается «головокружение от успехов», но с выбранного пути уже не

свернуть, много уже в позитивном ключе сделано и вообще — «Победа будет за нами!». Ура, товарищи/господа/партнеры! (Нужное подчеркнуть.) Ограниченность отечественных управленцев и просто чиновников не может заметить только слепой или тот, кто не хочет этого замечать. Но превозносить «государевых мужей» из прошлого так же наивно, и только лишь по одной простой причине — все, что мы имеем сейчас, это непосредственное наследство предков, доставшееся нам, их потомкам. Все что смогли сделать они, теперь вынуждены «разгрести» мы. Усугубляет положение еще и то, что исторический процесс в России негибок. На Западе он не стоит на одном и том же месте, а постоянно идет вперед. США XVIII века и США века XXI — это практически разные страны, их нация сумела сделать гигантский шаг вперед. Наша страна вынуждена постоянно «наступать на те же грабли» каждый раз, когда ей кажется, будто она на новой дороге. И винить тут просто некого, потому что виноватые — это мы сами. Читатель задастся извечным русским вопросом: что делать?

Декорации в стиле «индастриал», мартеновская печь, раскаленный металл, исчезающее пуленепробиваемое тело, большой палец, поднятый вверх, трогательная музыка, комок в горле у всех нормальных людей... Тот, кто не понял, о чем я говорю, просто не вырос в 90-е!!! 😊 Кумир мальчишек моего поколения Арнольд Шварценеггер... До назначения Собянина градоначальником Москвы в прессе было озвучено шутивное предложение нашего президента о том, что вакансия мэра русской столицы свободна и если мистер Шварценеггер готов продолжить свою политическую карьеру, то он может это сделать в России. Но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки. Вспоминается отрывок из «Терминатора», когда Сара Коннор говорит, что все мужики просто козлы, а он хоть и железный, но все-таки больше похож на мужика — никогда не предаст, лишнего слова не скажет...

Как это ни парадоксально, но действительно ощутимые изменения (в лучшую или худшую сторону) в нашей стране происходили только с появлением на политическом поле игроков-иностранцев, чужаков. Русское государство обрело хоть какие-то формы с призывом скандинавских налетчиков, свои национальные черты — с татаро-монгольским игом, прорыв «на Запад» прочно связан с петровскими немцами и швейцарцами, а социалистический эксперимент — с «красной» эмиграцией в лице Ленина. Перестроечные годы и начало 90-х похожим образом ассоциируются во многом с заграницей. Покойный Е.Т. Гайдар (именно при нем, кстати, палатки явились миру) — это воспитанный на либеральных ценностях в определенном смысле «иностранец» (как и команда реформаторов в целом, включая Чубайса, Алексашенко и других «немцев», некоторые из них даже получили образование за границей). Возникает логичная мысль: а не пригласить ли нам и сейчас шведов или голландцев занять крупные государственно-административные посты? К тому же положи-

тельный опыт в новейшей истории присутствует, например, в футболе (Гус Хиддинк). С мотивацией проблем у них возникнуть не должно, а с нашей стороны все вопросы (особенно вопросы меркантильного характера) будут решены, в этом нет ни каких сомнений. Шутки шутками, но неужели лишь они (Запад) способны к конструктивному и попросту разумному отношению к делу?..

Впрочем, я немного отвлекся. А вопрос по-прежнему стоит остро: свободны ли мы, родившиеся на рубеже эпох? Свободна ли была та страна, в которой мы появились на свет и провели свою золотую пору? Думаю, что нет. Свобода — это ведь не буханка хлеба и не автомобиль, которые можно попробовать на вкус и пощупать руками. Это в известной мере абстрактное понятие. И как абстрактное понятие, оно не может иметь коллективного, надындивидуального характера. Ты не можешь стать свободным, если просто услышал это по телевизору. Свободным ты можешь стать, только если сам этого захотел. Считаешь, что в Германии живут хорошо? Так живи как немецкий бургер здесь, в России, и Россия изменится к лучшему. Простейший пример тому опять из 90-х. Я прекрасно помню дачные участки в то время, какой это был тихий ужас. Особенно это чувствуешь сейчас, когда буквально на твоих глазах многое действительно поменялось к лучшему. Там, где 10–15 лет назад были полусгнившие, старые домики и сарайчики, сегодня стоят приличные постройки, там, где были нелепые огороды, — сегодня аккуратные европейские лужайки! Это не шутка. Это факт. Стоило лишь решиться что-то реально изменить у себя самого, и вот уже ты видишь, как твои соседи, оглядываясь по сторонам, вдруг замечают твои успехи и хотят построить и сделать что-то так же, как ты. Если хочется переделать этот мир, начни переделывать его с себя, как гласит известная американская поговорка. Именно исходя из этого переносить понятия «свобода», «равенство» и «братство» на категории «государство», «страна» и «общество» просто некорректно.

На момент распада в Советском Союзе жило почти 300 миллионов людей. Можно ли утверждать, что всеми этими миллионами жизнью двигало в августе 91-го одно лишь стремление к свободе, такой красивой и сексуальной, какой она запечатлена на картине французского художника, одной рукой сжимающей знамя, а другой призывающей на баррикады? Безусловно, нет — только потому, что у каждого человека своя собственная биография, свои собственные чаяния и устремления, почти никогда не совпадающие с так называемыми общими. Кто-то в тот момент пригнал «фольксваген гольф» из Западного Берлина, и ему нужно срочно довести его до ума, нет ему никакого дела до всей этой политики, кто-то горбатится на дачном огороде с утра до ночи и в гробу он видал всю эту демократию. А кто-то не отрывается от заседаний Верховного Совета, которые транслируют по ТВ, не пропускает ни единой передачи «600 секунд» и не мыслит себя не на баррикадах — у каждого своя история. Винить за это людей глупо. Как раз этим и объясняется зага-

дочная, на первый взгляд, ситуация того времени, когда все проголосовали за сохранение СССР в новом облики, но потом ни один человек не вышел на защиту этого строя. Полная политическая безграмотность, помноженная на тотальное равнодушие, в целом дает именно такой результат. Простых людей не волнуют проблемы свободы, легитимности парламента, позиции президента и прочего, просто потому, что и без этого забот полон рот, как говорится. Когда нечем кормить семью, ты мало задумываешься о том, что такое свобода и демократия, — ты просто идешь и добываешь деньги на кусок хлеба себе и своим близким.

Тогда ситуация была именно такой. В стране, которая оказалась на грани голодной пропасти, только такие идеи («хлеба и зрелищ») могли найти адекватный отклик. Нечего потом удивляться, почему ЛДПР победила на выборах меньше чем через два года после этого. Нечего удивляться, почему в 1993-м уже пришлось штурмовать Белый дом, который до этого так яростно защищали. Простые люди понимали свою свободу как волю, как возможность получить бесплатно медицинское обслуживание, образование, профессию, а абстрактные понятия о либерализации цен и свободном рынке их пугали. Постсоветскому, да и русскому, сознанию того периода куда ближе понятие «халява», чем понятие «бизнес». Отсюда и реальное возмущение, и несогласие с тем, что происходит в стране. Свободен ли человек, работающий на трех работах, чтобы свести концы с концами, или пускающий с молотка все что имел (книги, ордена и медали), когда бывший «аппаратчик» успел урвать кусок природного богатства страны? Боюсь, что такой человек не ответит утвердительно...

Тем не менее, несмотря на все напасти, горести и печали, мы сегодня имеем возможность наконец-то жить достойно. Дописывая эти строки, вдруг понимаю, что, если бы коммунисты сумели удержать власть в своих руках тогда, в 1991 году, я сегодня не мог бы написать подобное эссе и иметь шанс опубликовать его в том или ином виде. Мысль по-прежнему существовала бы каткомбно, а люди по-прежнему оставались бы заложниками безумной утопии псевдокоммунистов.

Не будет большим преувеличением сказать, что сегодня народ имеет практически все рычаги и возможности обеспечить свою жизнь нормальным, европейским существованием. Пускай не все и не каждый, но возможность такая реально присутствует сегодня на нашей Родине, которая до того обычно вела себя по отношению к своим детям скорее как строгая мачеха, нежели как родная мать. Да, мы лишись де-факто бесплатного образования и медицины, однако мы уже не стоим и, дай Бог, уже никогда не будем стоять в гигантских очередях за товарами первой необходимости изо дня в день так, как это приходилось делать в стране «развитого социализма». Да, у нас уже нет такого могучего промышленного потенциала, какой был при советской власти, тем не

менее это не мешает нам выгодно обменивать свои природные богатства на все прелести современной технической мысли, тем более что коммунисты делали то же самое, однако тратили все свои усилия только на мощь ВПК, не сильно заморачиваясь нуждами простого человека. Сегодня стране нет необходимости участвовать в безумной гонке в космосе и вооружениях, как это делали Советы. Люди наконец-то получили шанс жить спокойной современной жизнью: одеваться, как ты этого хочешь, слушать ту музыку, которая нравится тебе, приобретать в кредит автомобиль, ездить за границу. Так что невежественно «хоронить» 80–90-е годы, оплевывать те приобретения и завоевания, которых все-таки удалось чудесным образом добиться людям в те непростые времена. Не нам судить тех, кто находился в конъюнктуре вихря событий и пытался принимать решения не задним умом, а непосредственно в режиме live. Разглагольствовать о том, что и как нужно было сделать, сидя в сытом и комфортном 2011-м, очень удобно.

Фактом является то, что мы сегодня живем в удивительном, едином, огромном мире с множеством разных культур и особенностей и его не разделяет непроходимая Берлинская стена подозрения, недоверия и откровенной вражды. А все проблемы и вопросы можно решать в нормальном русле, а не танками, самолетами и ракетами.

P.S. «Не судите, да не судимы будете! Ибо, каким судом судите, таким и вас будут судить».

КСЕНИЯ ФАДЕЕВА, Томск

Некоторое время назад Россия вспоминала события 20-летней давности, произошедшие в августе 1991 года. Победа над ГКЧП и окончательный демонтаж советской системы и сейчас вызывают далеко не однозначные оценки в обществе. По сей день идут жаркие споры о советском прошлом. Одним Советский Союз теперь видится потерянной империей, которая была способна диктовать свои правила всему миру, для других — тоталитарным государством, погубившим миллионы своих граждан. И если одни вспоминают советские времена с ностальгией, то другие порой презрительно называют свою родину «совком». Особенно острой в последнее время стала дискуссия о роли Сталина. Кто же он — великий вождь, благодаря которому была одержана победа в Великой Отечественной войне, или сумасшедший тиран, превративший людей в винтики Системы и утопивший Россию в крови своих лучших граждан? Почему получается так, что молодые люди, никогда не жившие в то-

талитарном обществе, лишь краем уха слышавшие о доносах и воронках, так скучают по имперскому прошлому и по отцу народов? Откуда у моих ровесников, 20-летних парней и девушек, взялась «ностальгия» по временам, в которых они никогда не жили? На мой взгляд, ответы на эти вопросы нужно искать уже в нашем времени.

Что двигало людьми, шедшими в августе 1991-го защищать Белый дом? Наверное, это были два чувства. Во-первых, страх. Страх того, что в случае победы ГКЧП все опять будет по-старому. Будут репрессии, железный занавес, будет все то, что, казалось, навсегда ушло в прошлое. Но второе чувство, на мой взгляд, было гораздо сильнее страха. Это была надежда. Надежда на то, что танки не станут стрелять по людям, на то, что старое уже никогда не вернется. И когда путчисты провалились, наверное, направляющим настроением в обществе была именно надежда. Надежда на новую, свободную жизнь. Люди поверили в себя, в то, что они больше не винтики безжалостной системы, в то, что они граждане, способные сами творить историю своей страны. Увы, эта эйфория продолжалась недолго. Последствия распада Советского Союза не заставили себя ждать. Первая чеченская война, олигархи, терроризм, нестабильность в экономике — пожалуй, именно такие ассоциации вызовут у большого числа наших граждан 90-е годы. Способствует такому отношению к той эпохе и эпитет, придуманный для нее сегодняшней властью: «лихие 90-е». Но мне почему-то представляется, что 90-е в некоторой степени все-таки были временем надежд в отличие от нулевых.

В конце 1999-го, когда первый президент России произнес вошедшие уже в историю слова «Я устал, я ухожу», я была еще слишком маленькой, чтобы понимать всю важность происходящего. Мне, восьмилетней, тогда куда интереснее был предстоящий Новый год и ожидание Деда Мороза с мешком подарков. Осознание себя как гражданина страны пришло гораздо позже. Сейчас, когда мне почти 20, я не без иронии вспоминаю свои взгляды на политику четырех-пятилетней давности. Помню, как с открытым ртом смотрела всевозможные «документальные» фильмы по федеральным каналам, разоблачающие внутренних и внешних «врагов» России, и ни на секунду не сомневалась в объективности новостей Первого канала. Родители, конечно, уже тогда пытались посеять во мне некоторые сомнения относительно нашей «суверенной демократии», но тогда их попытки были тщетными. Вообще, пожалуй, бесполезно человеку навязывать какие-то свои взгляды, разубеждать его в чем-то, он должен дойти до этого сам, и, может быть, процесс этот будет не очень быстрым. Лично у меня глаза постепенно начали открываться, когда я стала обращаться ко все большему количеству источников информации. Свою роль сыграл и Интернет, и случайное попадание на волну «Эха Москвы», и уже более внимательное отношение к словам взрослых людей. Вообще, забегая вперед, надо сказать, что сегодняшняя власть оказалась в некотором смысле умнее советс-

кой и оставила возможность пользоваться альтернативными источниками информации, выпуская тем самым накопившийся пар из котла.

Когда же произошел поворот назад? Когда демократические тенденции в российском обществе сменились авторитарными? Кто-то считает такой точкой 1996 год, когда состоялись сомнительные выборы президента, на которых во втором туре победил Ельцин. На мой взгляд, окончательной точкой невозврата, после которой демократия в России стала «суверенной», был год 2000-й, когда к власти в России пришел нынешний премьер Владимир Путин. Если в «лихие 90-е» власть критику не любила, но мирилась с ней, то правление нового российского президента почти сразу омрачилось разгромом независимого тогда НТВ. На протяжении последующих лет правления Путина гайки в отношении СМИ только закручивались. НТВ превратилось в то, что оно и сейчас собой представляет: смесь криминала и откровенно желтых программ, а Первый канал и «Россия» — в средства пропаганды в виде передач Михаила Леонтьева и документальных фильмов Аркадия Мамонтова вперемешку с «Аншлагами» и КВНами. Нельзя, конечно, сказать, что на трех основных каналах совсем нет ничего достойного, но, увы, передачи, заставляющие задуматься, идут, как правило, после полуночи.

В течение всех лет правления Владимира Путина гайки закручивались не только в отношении СМИ. Еще одним переломным моментом стал арест Ходорковского в новосибирском аэропорту «Толмачево» в 2003 году. И если первое дело против олигарха воспринималось обществом пусть как жестокое, но в целом правомерное, то второе дело, окончившееся обвинительным приговором в декабре 2010 года, даже у симпатизирующих власти людей не оставило никаких сомнений в том, что к правосудию это не имеет никакого отношения, а скорее представляет собой обыкновенную месть и расправу. К сожалению, дело Ходорковского и Лебедева стало трагедией не только этих двух людей и их семей — оно фактически дало силовикам карт-бланш на то, чтобы оказывать давление на предпринимателей. Это происходило и происходит повсюду, об этом много пишет замечательная журналистка Ольга Романова. Свободное общество не может считаться таковым, если в нем нет свободы предпринимательства, если бизнесмены боятся власти больше, чем пожара и наводнения вместе взятых. Нашу систему едва ли можно назвать капитализмом, потому что он заканчивается в лучшем случае на низовом уровне. То есть если мелкие и средние предприниматели еще имеют возможность более-менее спокойно заниматься своим делом, хотя и они порой подвергаются давлению со стороны всевозможных проверяющих органов, то крупные бизнесмены либо должны быть «членами кооператива “Озеро”», либо должны знать, кому и когда нужно заплатить. В подтверждение своих слов приведу слова Олега Дерипаски: «Я готов в любой момент отдать все свое состояние по первому требованию Владимира Путина».

Нынешний премьер пришел к власти на волне борьбы с терроризмом. Взрывы домов в 99-м и Вторая чеченская война сделали свое дело. В обществе больше не было запроса на свободу, зато появился очень серьезный запрос на безопасность, которую власть обещала обеспечить. К сожалению, прав оказался американский президент Томас Джефферсон, который сказал: «Тот, кто отдает свою свободу за безопасность, не получает ни того, ни другого». Чудовищный теракт в Беслане власть использовала для отмены выборов губернаторов, что нанесло серьезный удар по принципам федерализма в России. Увы, никакие меры не сделали нашу жизнь безопасней: только по официальным данным количество терактов в России за последние 10 лет выросло в 6 раз. Конечно, ббльшая их часть происходит на Северном Кавказе, что, вообще говоря, и так не здорово, ведь это все еще часть России. Но и сказать, что больше не взрывают остальную Россию, тоже нельзя. В марте 2010-го прогремели взрывы в московском метро, причем один из них произошел на станции «Лубянка», прямо под носом у тех, кто должен был его предотвратить. Нынешний год также начался с трагедии в московском аэропорту Домодедово, хотя лично у меня возникают некоторые сомнения по поводу того, откуда «растут ноги» этого теракта, в связи с дальнейшими событиями, происходившими вокруг аэропорта. Впрочем, я не следствие и не суд, так что оставляю свои догадки при себе. Таким образом, несмотря на все обещания, нынешняя российская власть так и не смогла обеспечить своим гражданам безопасность, зато отобрать у них свободу у нее, кажется, вполне получилось.

Политическое поле в течение всего этого времени также усиленно зачищалось. Если в 2007 году в выборном процессе участвовали 11 партий, то в декабрьских выборах 2011 года примут участие в лучшем случае 7 партий. Впрочем, выборами этот процесс назвать крайне трудно, поскольку реальная оппозиция до участия в них так и не допущена (за последние годы в регистрации было отказано восьми партиям) и, судя по предыдущим «выборам», голоса будут распределяться по волшебным, ничего общего не имеющим с арифметикой правилам председателя ЦИК господина Чурова, который уже однажды отметился фразой «Путин всегда прав».

В условиях отсутствия свободных СМИ (я имею в виду федеральные каналы с многомиллионной аудиторией) гражданам, недовольным положением вещей в своей стране, остается только выходить на улицу. Однако митинги оппозиции в течение всех нулевых годов не собирали больше 10 000 человек, а чаще всего не собирают и 3000. Это объясняется множеством факторов: во-первых, люди не верят, что, выйдя на улицу, можно что-то изменить; во-вторых, оппозиция, и особенно либеральная, была, да и в какой-то степени остается, разрозненной; в-третьих, не многие горят желанием получить дубинкой по спине или голове. На мой взгляд, власть делает колоссальную ошибку. Да, в течение всех этих лет, да и сейчас, ни либеральная, ни националистическая

оппозиция не может вывести на улицу десятки тысяч людей по перечисленным выше причинам. Однако это не значит, что этого не произойдет никогда. И вместо того, чтобы дать людям возможность избираться и избирать своих кандидатов в парламент, власть сама выталкивает оппозицию в маргинальное поле. И если либерально настроенные граждане, даже в количестве 70 000 человек, едва ли начнут громить витрины и переворачивать автомобили, то вот с теми же националистами все может получиться куда печальнее. Таким образом, не допуская реальную оппозицию до участия в выборах, не разрешая дебаты на телевидении, власть подкладывает под себя и — что куда хуже — под страну мину замедленного действия.

В последние годы часто можно было слышать такое утверждение, что, мол, конечно, свободы стало поменьше, выборы, может, и нечестные, дебатов нет, но жить-то стало лучше! И черт с ней, с этой вашей абстрактной свободой, деньги-то в карманах вполне материальные. Как я уже писала выше, эта власть оказалась куда прагматичнее советской. Люди имеют возможность зарабатывать, покупать себе машины, путешествовать и даже переезжать в другие страны. Конечно, я говорю про так называемый средний класс, который в России пока насчитывает недостаточно большое количество людей, но в последние годы он почувствовал себя несравненно лучше, чем когда бы то ни было раньше. Однако долго так длиться не может. Дело в том, что свобода — это не просто какая-то прихоть либеральных чудаков, которым все чего-то не хватает. Свобода — это прежде всего гарантия. Гарантия безопасности граждан перед государством. Гарантия того, что никакой самодур или кучка олигархов не узурпируют власть. Им этого просто не дадут сделать гражданское общество и независимые средства массовой информации. Свобода — это также и гарантия безопасности перед террористами или любыми иными внешними врагами. Ведь в любой стране власть несет ответственность за безопасность граждан. Если власть этого не делает, то в свободной, демократической стране она просто сменяется в результате выборов и новой власти придется действовать более эффективно, если она не хочет повторить судьбу своих предшественников. Свобода — это защита от коррупции, потому что в свободной стране чиновник не может бесконечно получать взятки, однажды он будет пойман и наказан честным и независимым судом, что послужит наукой для других госслужащих. И наконец, свобода — это процветание. Общество, свободное от коррупции, от страха граждан и бизнеса перед властью, гораздо больше способно к экономическому благополучию, чем политически несвободное общество.

Подводя итог и отвечая на вопрос о том, выросла ли я в свободной России, я отвечаю на него отрицательно, хотя и с некоторой оговоркой. У нас по-прежнему остается одна, пока никак не ограничиваемая свобода — свобода поменять страну проживания. И судя по всему, такой вариант выбирает немалое число людей: примерно 1 250 000 человек уехало за последние три года из на-

шей страны. И к сожалению, большая часть из них — это молодые люди, предприниматели, представители среднего класса. Я не осуждаю этих людей, но для себя все-таки решила, что не уеду из России. И дело не в том, что здесь жили мои предки, что здесь мои друзья и родные. Друзей можно найти в другой стране, родных перевезти вслед за собой, да и вспоминать о далеких предках можно находясь и по ту сторону границы. Просто я верю в то, что Россия изменится. Это обязательно произойдет, может быть и даже скорее всего, это будет непростой и небыстрый процесс, но, на мой взгляд, он неотвратим. Нынешняя система изживает себя, другой вопрос в том, каков будет ее конец, будет ли он почти бескровным и мирным, как это было 20 лет назад, или все пойдет по гораздо худшему сценарию. Но то, что перемены в России неизбежны, не вызывает у меня никаких сомнений.

СЕРГЕЙ ФЕДЮНИН, Наро-Фоминск

Страну можно считать свободной по двум основаниям: первое — создание и совершенствование системы социальных норм, которые работают на укрепление правовых гарантий самостоятельного человеческого выбора в отношении своего образа жизни; второе основание представлено терминальной ценностью свободы в субъективных истолкованиях гражданского населения относительно ощущений и восприятия свободы собственного существования. Россия, как потенциальное «пространство свободы», с 1991 года по этим показателям для меня существует в качестве необходимого минимума, который позволяет, несмотря на туманность ошеломляющих достижений свободы на плоскости с двумя осями по указанным критериям, понимать всякое субъективно осязаемое социальное «зло» как недостаток «добра». Фундамент нормативной свободы заложен в ценностном каркасе конституционализма, который так или иначе становится в массовом сознании апелляционным объектом (вполне себе с сакрализированным будущим), а свободу как ощущение потенциальной возможности восполнить мое собственное несовершенство отнять у меня можно только с головой.

Зигзаги развития российского конституционализма, предполагающего выработку и утверждение ценностей гражданского общества и прав личности в социальной практике, а также в сознании людей по средствам соответствующей организации их жизненного мира, выглядят факторами дестабилизации настоящего силами скачкообразного исторического прошлого. Последнее формировало контекст, который, несмотря на традиционность, был открыт для завоеваний конкурирующими идеями и мировоззрениями. И этот

контекст не без трудностей, как показывает российская история XIX столетия, преодолевался в рамках просвещенческой парадигмы, которой задышала Европа, подавляя романтические представления о цивилизационной (и следом национальной) уникальности отдельных сообществ. Ценностный окрас, движимый волной так называемого возрожденного естественного права, нес на себе мощнейший отпечаток либерализма в его сердцевине — постоянном поиске свободы, которая гарантируется отделением от «исторического целого» в виде государства или традиционного образа жизни.

Как 1917, так и 1991 год стал поворотным, но с противоположным вектором — к реализации конституционного порядка на основе высвобождения автономии гражданского общества из-под государственного контроля и рестаблизации личностных прав. Это создало мощную платформу для того, чтобы запустить социальную дифференциацию: появляются люди, которые не хотят жить и быть как все, но, напротив, берут на себя ответственность, отталкиваясь от гипотетического состояния «а если так поступят все» как от страха смерти. Россия после советского кризиса свободы как социальной гарантии для наибольшего числа людей с их субъективными пониманиями свободы претерпела болезненные трансформации, которые за последние два десятилетия все-таки сохраняют системный вектор. Либеральное нормативное содержание так или иначе является гарантией существования России в ее нынешнем виде: невозможно уйти в изоляцию и автаркическое плавание там, где существуют международные обязательства по соблюдению базовых гуманитарных правил; нельзя принудить человека отказаться от его подкрепленной фундаментальными правовыми гарантиями свободы на основе централизованного принуждения и вне последующего преследования принуждающего; невозможно навязать обществу граждан такое положение дел, которое было бы противно настроениям большинства. Более того, просветительские возможности в этом плане чрезвычайно широки: общество уже добилось декларации норм, которые должны по собственной природе и логике существования служить маяком и идеалом на ближайшее будущее для изменения социальной действительности.

Несмотря на процессы и даже системные перестройки последних лет, которые не вписываются в дух конституционного переустройства системы общественных порядков, семя свободы как правовой гарантии запало в души людей с гражданским самосознанием и дало корни, подчас слабо заметные, в том отношении, что люди перестали быть «советскими», хотя еще не стали «самими собой». Здесь переломное значение приобретает свобода в ее субъективном ощущении и истолковании, которая и ведет к социальному переустройству в направлении ценностей правовой защиты свободы, дремлющих в общественном сознании россиян под грузом повседневных стереотипов. Однако я убежден, что до этих ценностей довольно легко достучаться каждому через изменение своей интенции по отношению к себе самому: взять ответ-

ственность на себя за жизнь и реализацию собственных инициатив в поисках смысла и реализации целей.

Социальный контекст и фундаментализм правовых гарантий для свободы отнюдь не означают, что человек ею располагает и воспринимает свое состояние как свободное («от» или «для»). Поэтому никакая стройная сеть прав, превращенная цепочкой поколений в культурные нормы (нарушение которых снабжено угрозой моральных санкций), не способна воссоздать личного переживания свободы, которое, как ни парадоксально, существует в России последних двадцати лет, в условиях отрыва правовой, зафиксированной гражданской свободы от ее презентации в действительности. Почему так?

Рождение в любой стране — пусть даже с самой длительной историей защиты личных прав и существования развитого гражданского самосознания, не выстроенного в давящую иерархическую сеть, — это уже несвобода: вы не выбирали ни контекста своего существования, ни времени и места, вы вообще не могли выбирать, будучи растворены в абсолютном ничто.

Свобода выбирать конкретна, а потому реализуется в заданном контексте и означает изменения последнего, помимо достижения смыслов, не связанных с внешним для человека миром. В то же время субъективная свобода как личная интенция — это и право и обязанность самосовершенствоваться, отвечая за каждый свой шаг. И как много к тому внешних посылов дает система с неустойчивым социальным консенсусом в отношении правового, гарантированного обеспечения негативной свободы! Если в России 1991-го рождались несвободные люди, то вырасти свободными у них (и у меня в их числе) были все шансы: найти и начать реализовывать смыслы жизни, выйти на субъективные дорожки в условиях, которые не благоприятствуют общему и *обязательному* выбору этих троп, проложенных за нас нашими же предками. И в последнем случае нет почти никакого позитивного смысла бороться за свободу в поиске самоприменения и осуществления действий по восполнению своего несовершенства (осознать которое может лишь человек-творец), а стало быть, и ощутить их не придется. После этого можно считать свободу исключительно способностью, данной нам социальным согласием? Очевидно, нет: заслужить свободу должны те, кто не является продуктом свободного социального установления ценностей и норм, гарантирующих возможности для самостоятельной жизни. И оттого Россия гораздо более свободна в потенциальном развитии тех, кто поддержит фундаментальные ценности, исторически зароненные на российскую почву. Противоречие наследия, которое находится в руках молодых поколений, в значительной степени не зависит от груза препятствий на пути высвобождения гражданского потенциала и уважения всякой личности в России. Ответственность не то чтобы оборотная сторона свободы — это скорее ее продолжение в будущее, которое ответственностью отделяет свободу от фантазий в духе «делать что хочу».

Свобода для сильных. Не спору: мало что изменилось с кантианских времен, когда создавались мечты широкого просвещения в виде «публично-го пользования разумом», и мало что отменило нищенскую агонию в отношении бездумных масс. Пессимизм, однако, неуместен: ценности личности и стимулирования (открытием путей вне препятствий разного, в том числе ментального и бюрократического, рода) гражданской активности как раз и служат инструментом просвещения и переформатирования массы в публику. Процесс длительный и непредопределенный, однако облегчающий ношу «голой» свободы для тех, кто ею не пользовался бы в альтернативных условиях. Долг ощущающего себя свободным — не силой «освободить» от рабских оков, а показать своим же примером возможность жить *иначе*. Сравнение на примере действий других (которые, как известно, составляют значительную часть нас самих в самопознании) рождает прямые условия выбора, который даже если и подчиняется конформизму и моде, гораздо лучше, чем его отсутствие (прежде всего иллюзорное по средствам серой массовой жизни).

Итак, подводя итог свободным размышлениям, необходимо сказать, что Россия последних двадцати лет свободна — в сердцах и умах тех, кто чувствует себя свободным. Хотя существуют контекстуальные условия трудного отката от советского, холистического, насилующего прошлого, они потенциально могут быть структурированы в рамках социального согласия в отношении ценностей поддержания свободы. Либеральный бэкграунд служит платформой с выдержкой в два десятка лет, которые по средствам бесстрашного развития личных интенций могут стать действенным инструментом преобразования действительности, даровав затуманившиеся ценности в качестве идеала развития и движения в будущее. Это возможно тогда, когда люди, чувствующие себя свободными, покажут себя на публике в волевом образе — не героизация, а популяризация их станет залогом того, что Россия станет свободной в структурном (социокультурном) смысле.

Поменяв институты и культурные предпочтения на те, что диктуются историей развития правового, конституционного, мыслительного потенциала (и видятся мне правильными), не стоит забывать о том, что внутреннюю свободу придется завоевывать отдельной личности всегда и каждый раз. Ведь очевидно, что свободы не существует как полноценности и достижения Смысла, окончательного источника бытия — к нему мы постоянно стремимся, и у нашей страны есть все шансы для того, чтобы через социальный консенсус на основе либеральных ценностей достичь состояния субъективной уверенности и ответственности за порой трудные решения, которые всякий будет принимать за себя. Вне всякого сомнения и гнусностей, что происходят вокруг, а потому требуют вмешательства интуитивной справедливости, я вырос в свободной России.

КРИСТИНА ЧУЧИНА, Брянск

Лозунг истинной демократии — не «Пусть это сделает правительство», а «Дайте нам сделать это самим».

Д. Эйзенхауэр, президент США

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Я родилась в 1990 году в городе Брянске в семье преподавателя вуза, тогда начинающего ученого, и врача. Мне много рассказывали о том времени, когда в одночасье изменилось все. А время было нелегкое — зарплату бюджетникам задерживали, дефицит товаров — катастрофический, спасали «б соток». Но в то же время изменились дисциплины в университете, ушла в прошлое «История марксизма-ленинизма» и прочие похожие предметы, субботники, митинги и собрания перестали быть актуальными. Мой старший брат уже не был пионером, не ездил «на картошку». Но, как мне сегодня кажется, в воспитании духовном чего-то не хватало, ни к чему не чувствовалось причастности, чувство одиночества постоянно всплывает в памяти. Как будто свободы было слишком много, и некуда было деться от нее.

Однако сегодня я понимаю, что жить в стране Советов мне бы не хотелось. Я слышала от своих вузовских преподавателей истории о публичных выговорах, от бабушки, работавшей в госаппарате, я слышала о вмешательстве партии в личную жизнь сотрудников.

Сегодня мне нравится то, что я могу получать доступ к любой информации (и мне, как историку, это важно), а это значит, что мне сложно навязать какой-то стереотип, идеологию. Я могу путешествовать по миру, общаться с иностранцами, сидя у себя дома, — одним словом, видеть этот мир шире.

На вопрос «Чувствуете ли вы себя абсолютно свободным человеком в современной России?» я скорее отвечу «да», чем «нет». Но это не значит, что я довольна положением дел в стране, где, к примеру, по-прежнему нет твердой оппозиции правящей партии. Я также не могу пользоваться своими гражданскими правами в полной мере. Свобода без правовой защищенности не есть свобода в полном смысле. К сожалению, на мой взгляд, институтов гражданского общества как таковых в России пока нет. Все по-прежнему решается

кем-то и где-то. И изменить это весьма сложно, а возможно, и исторически неоправданно.

Вот мои рассуждения по этому поводу.

На сегодняшний день одной из основных задач России является создание системы эффективного управления в субъектах Федерации. «Ручное» управление для такой страны, как Россия, являющейся самой большой страной в мире, просто губительно. Сложность заключается в том, что для эффективного управления нужны квалифицированные, высокообразованные кадры, готовые работать во благо своего государства, искать точки соприкосновения собственных интересов с интересами общества, способные чувствовать ответственность перед обществом за свои решения.

Ведь человеческий, интеллектуальный потенциал бесценен. Сырье, капитал и даже технологии можно купить, а вот людей, способных организовать производство, наладить инфраструктуру, предложить что-то качественно новое не хватает. То же самое касается не только производства, но и всех сфер жизни общества. Так сложилось, что на протяжении всей истории государства российского человеческий потенциал ставился далеко не на первое место. Однако, с построением во многих странах информационного общества, Россия не может бесконечно оставаться сырьевым придатком, а потому жизненно необходимо изменить отношение к молодым кадрам. Всем понятно, что основой любого постиндустриального общества является высокообразованный человек, готовый работать с огромным потоком информации, умеющий ее грамотно обрабатывать и использовать с целью увеличения производительности труда.

Очевидно, что хорошее образование — это основной источник получения «умных кадров». А значит, необходимо реформировать и систему образования. Я часто спрашиваю себя: «Почему в Японии высшее образование является обязательным и бесплатным? Почему студенты Польши обучаются в вузах бесплатно?» А ведь в средних и высших образовательных учреждениях закладывается фундамент, на котором в дальнейшем будет держаться весь интеллектуальный резерв страны — молодые ученые. Именно им предстоит трудиться над созданием новых технологий и внедрением их во все сферы российской экономики. Уже сейчас ощущается нехватка молодых научных работников. И если в советский период был сделан огромный научный прорыв, то как раз во многом за счет привлечения молодых ученых в развитие большой науки. Но с развалом Советского Союза огромный поток отечественных ученых хлынул за границу, так как в «новой» России правительство не уделяло должного внимания поддержке науки. В качестве примера: по оценкам израильтян, Израилю эмиграция из России дала больше, чем инвестиции США, а по данным ЮНЕСКО, ущерб России от «утечки мозгов» составил 30 млрд долларов США.

В последние несколько лет Правительство РФ активно участвует в финансировании научной деятельности. Увеличивается доля федерального финансирования науки. Однако проблемы, в том числе касающиеся и организационных вопросов, остаются. Ведь мало просто выделить деньги из бюджета страны, ими нужно грамотно воспользоваться, направить в нужное русло. В противном случае они бесследно растворятся в субъектах Федерации, не принеся реальной пользы. Приведу простой пример: некую сумму выделяют образовательному учреждению для улучшения качества знаний учеников. Что делается обычно: закупаются новые учебные пособия, оборудование. Что можно сделать: пригласить специалистов высшего класса для проведения лекций, организовать поездку на предприятие, работающее с новейшим оборудованием, организовать обмен студентов и молодых специалистов разных регионов, стран. Скорее всего, второй вариант распределения средств будет эффективнее первого, но почему его предпочитают обходить стороной? Потому что людей, готовых взяться за организацию чего-то действительно нового, нестандартного, но полезного, нет. Мне кажется, что активисты остались в СССР, людей, готовых работать не то чтобы за идею, а на перспективу дальнейшего благополучия, нет. Все хотят получить здесь и сейчас. То же самое и в экономике. Например, в бизнесе действует принцип «купи-продай», а не «вложи деньги в научные разработки» или хотя бы «купи новые технологии», сделай, а потом уже продай, обеспечив себе лидерство на рынке.

Сегодня людей, способных работать по-новому, неважно, в какой сфере, не хватает, а потому страна не развивается. Как изменить эту ситуацию?

Испокон веков в России укоренилось мнение, что все существующие проблемы обязано решать государство, но нам необходимо также понимать, что в достижении личного благополучия полагаться только на государство нельзя. Сейчас другое время, мир развивается слишком стремительно, и зачастую громоздкий, неповоротливый государственный механизм просто не успевает вовремя приспособиться к изменившейся ситуации, поэтому наш личный успех зависит от нас самих.

Поэтому я и обращаюсь к политософии как к политической мудрости с основанной на ней достойной эффективной практической деятельностью. Основным вопросом политософии является вопрос, как человеку жить достойно среди людей в родной стране и современном мире. И я думаю, что каждый член гражданского общества должен ставить перед собой такой вопрос. А раз задачей российского правительства является построение полноценного гражданского общества, то этот вопрос не должен остаться без ответа.

Мой ответ прост и сложен одновременно. Только от нас самих зависит, в какой стране мы будем жить, мы сами можем создавать свою удачу — трудом и умом. Нужно научиться быть стойкими, целеустремленными, способными идти на риск, нужно избавляться от рабской психологии, брать на себя ответ-

ственность и решать даже самые, казалось бы, трудные проблемы. Такой человек имеет право называться политософским. Для него такие слова, как самоорганизация, толерантная ответственность, не пустой звук. Человек политософский — это гражданин, способный к жизнотворчеству, к осуществлению благородной и полезной деятельности.

Безусловно, большинству из нас свойственно уклоняться от всякой ответственности, жить только для себя, быть равнодушными к окружающим нас проблемам общества, государства. Это обусловлено исторически, но время прошло, и пора меняться. Пора понять, что все в наших силах. Консолидация в отстаивании собственных прав и интересов, активная гражданская позиция, способность открыто выражать свою точку зрения на происходящее в стране — вот то, что нужно российскому народу. Позволю себе несколько изменить крылатую фразу «каждый народ достоин своего правительства». И если мы хотим видеть правительство достойным, то мы сами должны быть политически грамотны и мудры. Только так достигается политософская гармония — гармония со своим внутренним миром, окружающими, гармония в отношениях индивид — государство.

Кого же можно назвать человеком политософским уже сегодня? К сожалению, это лишь небольшая часть нашего населения. Не так много политически активных и грамотных среди молодежи, а ведь она — будущее нашей страны. Именно до сведения молодежи необходимо доводить информацию о полезности гражданской активности, да и жизненной активности вообще, включать молодежь в разработку социальных проектов, формировать управленческие кадры из числа молодых специалистов.

Но, я повторюсь, в деле формирования политически активного слоя людей политософской направленности больше всего зависит от самого человека, его гражданской позиции и устремлений.

Лично я хочу жить в обществе по-настоящему свободных, а значит, просвещенных и уважающих себя людей. Я хочу пользоваться и пользуюсь теми возможностями, которые мне предоставили события 90-х годов XX века. И не отрицая прошлого и тех огромных достижений, которые были достигнуты советскими людьми, я, живя в свободной стране, сама выбираю свой жизненный путь. Через образование и самосовершенствование я постигаю свободу и распоряжаюсь ею по моему усмотрению. И за это спасибо прошлому.

Я ВЫРОС В СВОБОДНОЙ РОССИИ
Сборник эссе

Составитель Ю.В. Свешникова

Подписано в печать 29.02.2012

Печать офсетная

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная Миссия»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56
Факс: (495) 623 28 58